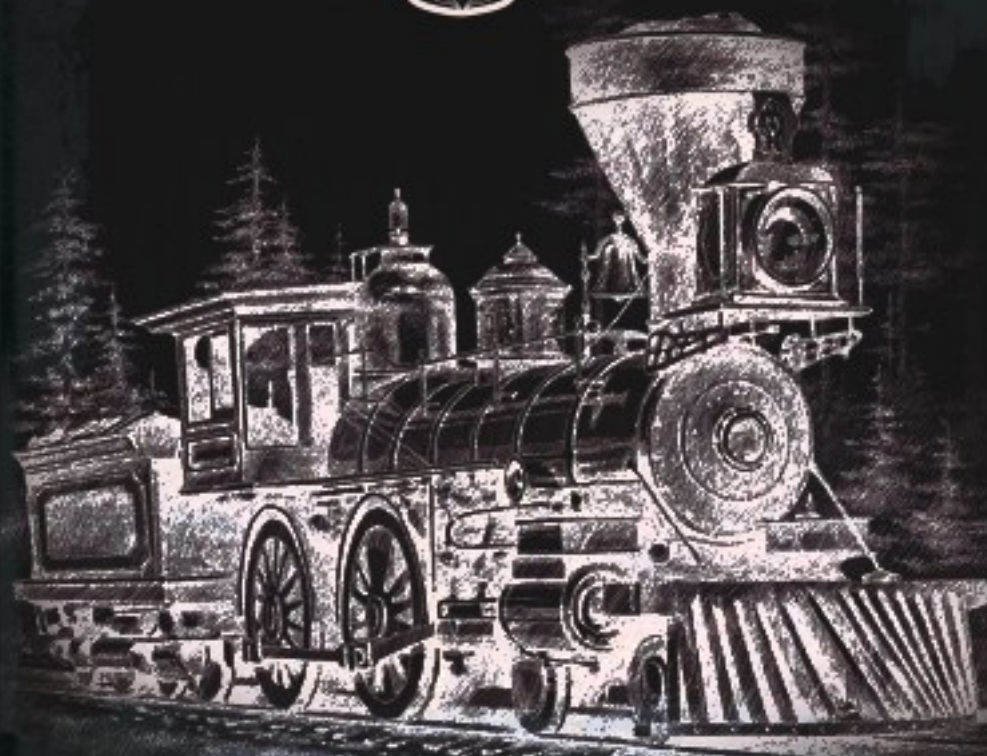

С. Дрэй

КАРАВАН МЕРТВЕЦА

Сергей Дрей

Караван мертвеца

«СУПЕР Издательство»

2019

Дрей С.

Караван мертвеца / С. Дрей — «СУПЕР Издательство», 2019

ISBN 978-5-9965-0316-2

Проведя ужасный год в пекле «Мёртвой долины», Сид Джонсон вынужденно соглашается на сделку, не сулящую ему ничего, кроме проблем. Но выбора у него нет, ибо на кону жизнь близких ему людей. И думать ему придется быстро, ведь на Диком западе, быстрый значит живой.

ISBN 978-5-9965-0316-2

© Дрей С., 2019

© СУПЕР Издательство, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	37
Глава 6	44
Глава 7	50
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Сергей Дрей

Караван мертвеца

Посвящается друзьям юности.

Глава 1

– Солнце стояло высоко! – прокричал южный ветер и покрыл прерии смехом. Полуденные минуты медленно растворялись в ритме безмятежной синевы. Взору открывалась единственная дорога, пересекающая пейзаж. По обе стороны – горизонт, уходящий в бесконечность. Жухлая трава на равнинах и неуклюжие валуны по краю. Покой здешних мест оглушал.

Пара лошадей резво тянула повозку с гордым седоком, внешний вид которого не вызывал сомнений. Ослепительный дорожный костюм, пошитый в столичной лавке, и небрежно лежащая шляпа на бок, полностью затмевали недружелюбный простор его взгляда. Хмурый и суровый, как ночь во время грозы, он глядел прямо. Хищный профиль и крепкое телосложение выдавали человека действия, но Марк Гудман редко прибегал к силе. В своё время он нашёл иной, куда более изощренный и продуманный способ заработка. Он стал адвокатом. И в долину его занесло исключительно по делу.

Расположившись в центре всепоглощающего пекла Мёртвой долины, тюрьма с особо жёстким режимом поприветствовала гостя. Высокие стены из камня устрашающе поглотили всю радость и жизнелюбие за раз и откашлялись тёмным туманом шахт. Вся тюрьма, разделённая на четыре огромных корпуса, наполовину уходила под землю, опутывая паутиной тоннелей огромные территории. Удары киркой как гимн прозвенели в ушах Марка, и он незамедлительно прошел внутрь.

Грэг Лауд ненавидел свою работу. Он много лет проработал начальником тюрьмы, и пришло время, когда его нервы обострились до предела. Давление шло со всех сторон. Тюрьма была как бомба с часовым механизмом. Когда жара снаружи достигала предела, начинались волнения. Успокаивать приходилось как заключённых, так и охранников. Проходили годы, прежде чем молодые солдаты вникали в суть реальной работы. Хотя это были проверенные временем люди, способные принять решение в критической ситуации, всё равно возникало множество конфликтов, которые перетекали в рутину и бесконечные стопки личных дел. Устрашающая воля начальника воодушевляла охрану на более жёсткие условия для сотен тюремщиков, но не самого Грэга. Он ждал дня, когда назначат кого-то вместо него, но эта дата вечно откладывалась на неопределенный срок.

Около трех часов дня в дверь постучали. В кабинет вошел Билл. Прибыв на службу пару лет назад, он до сих пор занимался бумажной работой, в промежутках подливая кофе начальнику. Молодой стажер задержался на низкой должности из-за своей неуклюжести и растерянности. Доверить ему поддерживать порядок Лауд не желал. Билл проявил себя как талантливый секретарь, и начальник подумывал оставить его именно на этой позиции в ближайшие годы. Но юный писарь рвался в бой, ему не терпелось столкнуться с реальными злодеями, чем он не раз конфузился в присутствии старших коллег.

– Мистер Лауд, сэр! – на высокой и торжественной ноте начал Билл, но под тяжестью взгляда начальника несколько сбавил тон и продолжил более спокойно: – К вам посетитель. Мистер Гудман. Сказал, что адвокат Сиды Джонсона.

– Чей он адвокат?.. – Грэгу показалось, что он ослышался, и Лауд вопросительно уставился на подчинённого. Билл почувствовал жгучую боль в районе груди и решил, что если

он затынет с ответом, то Лауд с легкостью прожжет в нем небольшую дыру. Собрав всю свою волю, охранник ответил:

– К Джонсону. Сиду Джонсону, сэр.

– Как интересно... – Грэг на какое-то мгновение погрузился в свои мысли, затем в упор посмотрел на Билла. – Пусть поднимается прямо ко мне. Проводите его.

Охранник вышел. Лауд задумался, зацепив взгляд на одной точке.

«Странно всё это. Парень сидит тут год и не слыхивал ни разу об адвокатах. А тут раз и объявляется один сам по себе. Совпадение? Не думаю. Какие силы решили вмешаться в судьбу мальчишки? И для чего?» – мысли Грэга прервались: в дверь постучали.

Зашёл охранник, представив посетителя. Следом в кабинете появился Гудман, сняв шляпу в знак приветствия.

– Билл, принеси мистеру Гудману кофе и можешь быть свободен, – распорядился Лауд.

Марк Гудман сел напротив начальника. В руках у гостя был небольшой кожаный дипломат, по центру которого сияла золотая круглая эмблема, изображающую розу. Кому именно принадлежала этот герб, Лауд определить не смог.

Первым диалог начал мистер Гудман.

– Пожалуй, я ещё раз представляюсь. Мне кажется, охранник, проводивший меня до вас, ещё слишком молод и не совсем понял цель моего визита. Я Марк Гудман, адвокат. И цель моего визита – Сид Джонсон.

– Да, я это прекрасно понял. Мне так и доложили о вас. Вы адвокат Джонсона?

– А вот как раз здесь у нас возникает недоразумение. Я ни в коем случае не адвокат мистера Джонсона, я представляю интересы мистера Уайта. Видите ли, в чём дело, Сид Джонсон полтора года тому назад поджег имение мистера Уайта. Никто, слава Богу, не пострадал, хотя урон, принесенный пожаром, повлек непредвиденные убытки. Мистер Уайт понимает, что бессмысленно требовать возмещения от человека, помещённого в «Мертвую долину». Мой клиент не может найти себе покоя от другой мысли. Мистер Уайт уверен, что перед пожаром Сид Джонсон украл из его комнаты одну ценную шкатулку. Шкатулка сама по себе была чудом ювелирного искусства, но главное, что это была фамильная ценность покойной жены мистера Уайта. Там она хранила письма и свои украшения. Мистер Уайт уже как пять лет овдовел, и эта вещь была столь теплым и ценным воспоминанием о миссис Уайт. Цель моего визита покажется вам несколько странной, но я лишь выполняю волю человека, нанявшего меня. Я хотел бы выяснить у мистера Джонсона, кому он продал шкатулку. А он обязательно продал её какому-нибудь скупщику, и сейчас она находится где-нибудь в частной коллекции. Шанс, конечно, мизерный, что Джонсон вспомнит, но мистер Уайт имеет свой подход к любому делу. Учитывая далеко не последнюю значимость мистера Уайта для конгресса, будущее Сида Джонсона выглядит не таким мрачным, каким оно является на данный момент.

Гудман умолк. Он не выглядел заискивающим человеком, его прямой и открытый взгляд давал достойный отпор прожигающим насквозь глазам Лауда, который не сводил их с него во время всего разговора. Речь Гудман держал ровно и уверенно. На минуту начальник Лауд задумался.

– Так вы говорите, что пришли от бывшего судьи Уайта?

– Да, вы всё правильно поняли.

– И ещё вы утверждаете, что от Джонсона вам нужно узнать расположение некой шкатулки. А если вся эта затея обернётся удачей, и вы найдёте её, то, как я понял, Джонсону светит шанс провести свою ещё не скорую старость вне стен тюрьмы. Всё верно?

– Так оно и есть.

– Полный бред.

– Простите, что вы...

– Вы врёте. И почему-то даже не стараетесь.

– Вы мне не верите?

– Конечно же, нет! Вам нужно поговорить с Джонсоном. Это факт. Но зачем – этого вы мне не скажете. Как я понимаю, эта история была лишь для отвода глаз? Формальность, так сказать...

Лауд замолчал. Легкая усмешка пробежала по губам Гудмана. Удобно устроившись в своём кресле, он не спеша открыл дипломат и достал какие-то бумаги. Гудман посмотрел в глаза Лауду и, широко улыбнувшись, передал документы.

– Вы интересный человек, мистер Лауд.

Грэг изучил текст. Отложив его, он на мгновение задумался.

– У вас тут печать вице-губернатора. Ясно.

– Если вам всё ясно, то перейдем сразу к делу. Где Джонсон?

– Глубоко.

– Что?

– Он в карцере. Карцеры у нас глубоко под землей. Тюрьма расположена на древнем индейском поселении. Под землей – остатки системы тоннелей и пещер. Не знаю, чем краснокожие копали их и зачем, но в наши дни мы нашли им куда более полезное применение.

– Как увлекательно! Но покончим с историями. Я полагаю, мистеру Джонсону будет приятно размять ноги.

– С этим я соглашусь! Парню действительно не помешает свежий воздух.

Лауд достал из своего стола какой-то бланк. Расписался в нем и вручил Гудману.

– Отдайте его часовому в коридоре.

– Благодарю за сотрудничество.

Гудман взял бумаги и, вежливо кивнув Лауду, направился к выходу.

– Мистер Гудман!

Марк обернулся. Грэг продолжал сидеть в своём кресле. Меланхоличное и утомлённое лицо озарилось улыбкой.

– Мистер Гудман, вы же понимаете, что я всё равно выясню, что происходит?

– О да... Вы и должны во всем разобраться.

Выражение лица Марка стало хищным, взгляд отстранённым, а на губах блуждала загадочная ухмылка. Затем он словно опомнился, поправил шляпу и вышел.

Улыбка исчезла с лица Грэга. Он встал. Подошёл к окну и посмотрел на залитый золотом пейзаж. С мрачным видом он закрыл окно плотной занавеской и раздражённо произнес: «Проклятое пекло».

Марк ждал на улице, пока приведут Джонсона, стараясь скрыться от жары в тени сторожевой башни. Площадь тюремного дворика была разделена на две части. С внешней стороны двор защищала высокая решётка, с обеих сторон от неё торчали металлические шипы, острые и раскалённые солнцем. Это делало невозможным подойти к ней ближе, чем на пару шагов. С внутренней части находилась голая стена. Во двор вели две двери. Одна для заключённых из тюремного блока, другая – для посетителей из зала общей работы. Двор разделяла крепкая сетка посередине. Лишь в одном месте можно было подойти вплотную, не опасаясь порезаться или свернуть себе ногу.

Марк, не отрываясь, наблюдал за дверью на другой стороне. Минут через десять она со скрипом отворилась, и из неё показались лохмотья и цепи на худощавом парнишке, на вид не отгулявшем ещё и четверть века. Помятый, с синяками и ссадинами на руках и шее, он довольно возбужденно воспринял солнечный свет. Ослепнув с непривычки и выкрикнув нечто нечленораздельное, он заспешил обратно в уютный сумрак. Пришлось охранникам силой вытащить его и доставить к месту. Выжженные на солнце и без того светлые волосы перепутались между собой, напоминая сухую солому. Весь этот вид внушал жалость. Но кое-что особенное бросилось в глаза адвокату. Выйдя из тюремного блока, Сид не выглядел несчастным – напро-

тив, улыбаясь безоблачному небу, он глубоко втянул в себя горячий воздух и, тяжело откашлявшись, помахал Марку. Оставив их наедине, охранники удалились. Без шанса ходить нормально, Сид засеменял. Звения грудой цепей, он максимально приблизился и начал пристально вглядываться в Марка.

– Я тебя не знаю! Но если ты пришёл вытащить меня отсюда, то сейчас самое время. Тут паршивая еда, и у меня в камере живёт пара крыс. Мне-то нормально, но вот им, видимо, моё соседство не по духу, так что каждый раз как я засыпаю, они норовят отгрызть мой нос или уши. Не особо приятно, знаешь ли...

– Сочувствую вашим проблемам, но я немного по иному вопросу, мистер Джонсон.

– Сказали, что ты адвокат.

– Так и есть.

– Значит, ты должен исполнить свой долг и вытащить меня отсюда. Я тебя нанимаю!

Сид улыбнулся. Волосы скрывали часть лица и глаз. Марку стало вдруг не по себе, и он не стал всматриваться в синие глаза, излучавших дружелюбие и спокойствие.

– Вы не можете меня нанять.

– У меня есть деньги!

– Неправда.

– Правда! Их нет тут, с собой, но так у меня полно денег!

– Что за бред! Я вообще не собирался вытаскивать тебя отсюда!

На мгновение, всего лишь на крошечное мгновение, неприступный для эмоций Марк потерял самообладание и вспылал. Сид же рассмеялся.

– Странный ты адвокат! Не хочешь работать! И когда ты успел заработать на такую отличную шляпу?

Марк сконфузился и запомнил, о чём именно хотел поговорить с Сидом Джонсоном в начале своего визита. Он помолчал некоторое время, потом глубоко вздохнул и, взяв себя в руки, посмотрел Сиду в глаза.

– Пока работал в Остине.

Добродушная улыбка исчезла с лица Сида. Взгляд стал серьёзным.

– Значит, время пришло...

Марк понял, что ему удалось направить разговор в нужное ему русло, но он не спешил развивать тему. Он хитро улыбнулся.

– Время для чего, мистер Джонсон?

– Не надо этих глупых игр. Я знаю, кто засадил меня сюда, и знал, что рано или поздно за мной придут. Но мне абсолютно плевать на вас, ребята! Прощай, амиго!

Сид как можно скорее попытался уйти. Марк ожидал такой реакции, и нужные слова нашлись сами собой.

– Что же, я передам вашей сестре, что вам больше нравится общество крыс, нежели её.

Сид остановился. Развернувшись, он вернулся к ограде.

– Вы же понимаете, мистер адвокат, что только эта решётка спасает вас от сломанной шеи?

Сид уставился на него ненавидящим взглядом.

– О, какой вы грозный, оказывается... – усмехнулся Гудман. – Но теперь ты молча меня выслушаешь, выродок.

Всё это время Грэг незаметно наблюдал за сценой в тюремном дворе из окна в своём кабинете.

«Кажется, что-то происходит... Джонсон слушает, что ему плетет этот адвокат. Странно. У сопляка редко хватает желания внимать дольше минуты. Смелости и дерзости ему не занимать. Оттого и гниет в карцере. Но сейчас... Он просто слушает. У меня плохое предчувствие.

Чем же он так заинтересовал Джонсона? И почему он вернулся, когда уже собирался уходить... Чёрта с два, они ведут беседу о какой-то шкатулке! Что теперь? Похоже, разговор заканчивается. Гудман вытащил карманные часы. Смотрит на время. Неужели спешит куда-то? Местный климат ему, наверное, не по душе. Да, разговор действительно подходит к концу. Они расходятся. Думаю, надо проводить странного гостя».

Грэг задернул штору и вышел из кабинета.

– Вам всё ясно, мистер Джонсон?

Марк смотрел на Сиду долгим ледяным взглядом. Убрав часы обратно в пиджак, Гудман поправил шляпу и, развернувшись, направился к двери.

– Кстати! Вы так и не представились, – раздался за спиной голос Сиды.

Марк обернулся и встретил взгляд заключённого. Тот вновь был спокоен, но уже не излучал былого дружелюбия.

– Гудман, Марк Гудман.

Марк оскалился жемчужным рядом зубов.

– Мистер Гудман, совсем скоро вы будете стоять по другую сторону решётки, на моём месте. Для некоторых это куда хуже смерти.

Марк не ответил, резко покинув Сиду.

Охранник проводил адвоката до выхода, где его уже ждал Грэг.

– Позвольте проводить вас до вашего экипажа.

– Благодарю. Но если вы надеялись на продолжительную беседу, то, увы, не могу к ней присоединиться. Очень спешу обратно.

– Не беспокойтесь, мистер Гудман, я не собираюсь отнимать ваше время. Я лишь провожу вас и только.

Марк холодно улыбнулся, Грэг ответил ему точно такой же улыбкой, и они вместе вышли на улицу. Яркий свет слепил глаза Лауда, просидевшего весь день в кабинете. Не спеша они пересекли пост охраны и направились в сторону повозки.

– Джонсон дал вам информацию, ради которой вы приехали?

– А как вы сами думаете?

– Думаю, что нет.

– Да, действительно. Он оказался глупее, чем я ожидал. Отказался от такой выгодной сделки. Вначале даже слушать ничего не захотел, но мне всё же удалось привлечь его внимание, хоть и ненадолго. Мистер Уайт будет расстроен таким исходом дела. Думаю, я ещё наведаюсь к вам в некотором будущем. Дорога до вас занимает уйму времени, но работа есть работа.

– Чем же вам удалось вернуть расположение Джонсона, хоть, как вы говорите, и ненадолго?

– А это уже мой личный профессиональный подход. Пусть Джонсон отъявленный негодяй, но и ему должен быть предоставлен шанс на искупление и прощение. Я лишь рассказал о варианте его судьбы, где ему не понадобится соседствовать в камере с крысами ближайшие полвека. Но он так упрям и нахален! Даже не представляю, как мистер Уайт будет разочарован.

– Передайте мистеру Уайту мои искренние сожаления.

Они подошли к повозке. Марк ловко забрался на место извозчика.

– Я обязательно передам ему ваши слова. Ну что же, пора прощаться, мистер Лауд.

– До встречи, мистер Гудман. Не могу дождаться увидеть вас в стенах нашей тюрьмы.

– Простите?..

– Говорю, добро пожаловать, и ждём с нетерпением!

Марку нечего было ответить на такое радушие. Кивнув на прощание, он направил лошадей к главным воротам. Отъезжая всё дальше, повозка начала походить на трясущийся пудинг, пропадая в мираже. Грэг смотрел ей вслед, пока она полностью не слилась с пейзажем.

– Что делать с Джонсоном, сэр? – Один из охранников подошёл к начальнику и ждал распоряжений.

Грэг посмотрел на подчинённого, затем повернулся в сторону дороги, по которой уехал адвокат.

– Довольно с него карцера пока что. Пусть подышит воздухом. Главное – следите за ним. День обещает выдаться долгим!

Глава 2

Узники долины, находившиеся хотя бы сутки в тюрьме, приходили к выводу, что всё время, независимо от того, где бы ты ни находился – в камере, на руднике или во дворе главного блока, – тебя преследует посторонний шум. Это могли быть голоса, лязг инструментов, стоны страданий, приказы охранников, ночной шёпот, мольбы о помощи, плач, писк крыс, крики ужаса и отчаяния. Надо совсем немного времени, и злорадное хихиканье смерти станет мерещиться повсюду. Но даже отчаяние страстно нуждается в отдыхе и передышке, поэтому часы относительного покоя наступали где-то после трех ночи и продолжались до первых минут рассвета.

Время спокойствия... Некоторые могли уснуть только в эти предрассветные часы. Стоны в камерах утихали. Жажда крови у других так же сходила на нет, уступая место для отдыха. Наступала тишина. Только ночь и густая тьма. Свет звёздного полотна пробивался в коридоры, освещая их серебристым туманом. Система подземных туннелей тюрьмы разносила звуки и шорохи из одного конца блока в другой. Пространство наполнялось эхом, стоило его потревожить. Ветер свободно гулял по тёмным шахтам подземелий и рудников тюрьмы, разнося чужие тайны и молитвы. Каждый день, с раннего утра до поздней ночи, всё вокруг неустанно напоминало, в какой ад ты попал. И это крайне раздражало Сиду, не позволяя ему как следует сосредоточиться на собственных мыслях. Тишина ценилась сейчас особенно высоко.

Сид лежал на полу. Крошечный осколок лунного света пробивался сквозь щель в стене, чарующе освещая камеру. Звёзды подмигивали Сиду сверху. Одно из светил гордо вспорхнуло яркой вспышкой и, прочертив на небе ослепительную кривую, исчезло навеки в волнах млечного пути.

«Надо поспать», – подумал Сид и отвернулся к стене. В такой мирной обстановке он мгновенно уснул.

Обычно Сид умел контролировать сны. Но в последнее время они бесконтрольно стали оживлять память о событиях трагичных и болезненных, поэтому в тюрьме Сид старался не спать вовсе. Только в те минуты, когда силы покидали его и тело требовало отдыха, он засыпал. Если его не избивали до потери сознания и не затравливали каторгой на рудниках, то Сид мог обходиться всего парой часов сна. На воле он, конечно, позволял себе проваливаться в гамаке полдня, но тут, если тебя не сводило с ума окружение, то точно доводили собственные мысли. Многие заключённые легко подхватывали сонную болезнь. Проведя пару недель под землей, без света, большинство постепенно теряло связь с реальным миром. Всё больше погружаясь в собственные грёзы и воспоминания, люди ломались под гнетом невыносимой реальности. Тех, кто окончательно спятил и перестал воспринимать реальный мир, помещали в самые глубокие шахты. Там они тихо и медленно умирали во сне. Других же, кто пытался вырваться из лап безумства и взбунтоваться, умиротворяли. Казнили в «Мёртвой долине» крайне редко и лишь тех, кто открыто призывал к бунту и террору. Заключённые погибали в основном из-за природных условий. А кто был крепок телом, мог легко подхватить болезнь духа. Кровожадные убийцы плакали как дети и мечтали о глотке свежего воздуха, но солнце молча взирало на их мольбы.

Мало кто из преступников боялся смерти. Нет, тот, кто оказался в этих стенах, не раз всматривался в её пустые глазницы. Возможно, большинство ненавидели и презирали смерть, но не боялись. Что по-настоящему вызывало отвращение, тот первобытный страх и ужас, так это яма. Независимо, бунтарь ты или окончательно съехавший психопат, – если ты нарушаешь правила и нормы в «Мёртвой долине», то дорога не заставит себя ждать и приведет тебя к яме.

Система карцеров напоминала собой винтовую башню, только уходящую под землю. Чем глубже, тем меньше признаков жизни с поверхности. Некогда жилые комплексы первобытных людей, состоящие из туннелей и природных шахт, превратились в места заключений и боли. В

стенах запирались нарушители. На самой глубине в полу находилась большая яма, дно которой терялось во мраке. Мертвецов из тюрьмы не вывозили. В такую жару транспортировка была невозможной, а каменистая местность не позволяла устроить кладбище. Исчезнуть в яме – вот чего все боялись.

Почему Сид за все время, проведённое в гнилой сырости и убийственной темноте, не сошёл с ума? Каждый день, каждую минуту, его не покидала мысль о воле. Он знал, что в один день вновь окажется на свободе. Неожиданный поворот событий, показавшийся на горизонте, сбивал его с толку. Шквал мыслей и воспоминаний обрушился на него днем, после ухода Гудмана, и не отпускал до последнего момента. Но то были обрывки его памяти, лоскутами развевавшиеся в пустой голове. Теперь только сон мог помочь ему разобраться и провести туда, где всё началось. Его тело расслабилось, мысли в голове становились тише, пока совсем не успокоились, позволив сознанию совершить прыжок в неосязаемую глубину.

Во сне не оказалось ни одной стороны, где бы Сид не увидел хохочущих и кривляющихся рож. Кто были все эти люди и чего они хотели, не входило в объяснение и без того хаотичного сновидения. И как бы ему ни хотелось пропустить мимо себя безымянных персонажей и очутиться в безопасной темноте привычного забвения, он поступил наперекор желанию. Пришлось идти навстречу неприятным и отталкивающим лицам. Долгое время они беспричинно насмехались и оскорбляли его, и хоть Сид был терпелив, но и он не выдержал, разругавшись с призраками подсознания в ответ. Долго ли продолжалось безобразие, в этом Сид не держал отчёта, зато он точно понял, что пора заканчивать, когда прогремел колокол. Сид достал карманные часы и посмотрел на них.

«Мне пора вспоминать! – подумал он. – А откуда у меня эти часы? Разве я не отдал их ей?» – мелькнуло в голове следом.

Болтливые проекции успокоились и с интересом стали наблюдать за озадаченным собственным вопросом Сидом.

Прозрачная стенка часов позволяла увидеть весь хитрый механизм за работой. А отодвигающаяся крышка перед циферблатом была вся покрыта извивающимся рисунком. Такие часы не каждый день увидишь.

«Какие красивые, ни у кого таких нет. Отец специально так придумал, чтобы можно было рассматривать», – сказал Сид сам себе и сразу восстановил в памяти ту часть жизни, о которой вспоминал с грустью. Он снова посмотрел на мёртвые стрелки, замершие очень давно.

– У меня никого не осталось, все умерли, – чуть не плача, вздохнул Сид, – а теперь и сестру похитили.

Вот тут-то Сид и попал в яблочко, пораженный собственными словами. Без сомнений, он затеял поход в тонкий мир, чтобы выдумать план, как выручить из беды младшую сестренку.

– Мне вроде как совет нужен, а от вас помощи никакой. Пошли прочь! – рявкнул он на снившиеся кошмары.

Вместо некрасивых и озлобленных лиц на смену появились иные образы. На этот раз радушные и улыбающиеся. Находясь год в худшей тюрьме мира, Сид позабыл, что там, на свободе, у него остались друзья и близкие, ждущие его возвращения. Как же много скопилось вокруг негатива, не позволяющего расслабиться даже во сне. С трудом Сид удерживал светлые мысли. Обращаясь вглубь себя, он задавался вопросом: «Что делать? Как спасти её?»

В ответ проекции одна за другой стали растворяться, пока не осталось одно лицо, хитро подмигивающее Сиду.

– Ну, конечно! – рассмеялся Сид. – Для начала я должен разыскать Луи!

Озарение наполнило спящего жизненной силой и уверенностью.

«Какая бы опасность ни притаилась впереди, вдвоём нам всё по силам!» – Сид уже не видел ничего вокруг, растворяясь в уютной темноте, как вдруг дремоту пронзил ужасный хохот. Он звучал отовсюду, дьявольски переливаясь гранями безумства.

– Это наяву? – вслух спросил Сид. Он не моргая глядел в одну точку, теряясь в догадках, что происходит. Смех эхом раздавался ещё пару секунд и стих так же резко, как начался.

В соседних камерах послышался недовольный шорох. Видать, остальные заключённые услышали то же самое, что и Сид.

– Жуть! – Сид облокотился спиной к стенке и стал ждать рассвета.

«Кто-то спятил. Опять, – перебирая мысли, Джонсон изредка посматривал на дверь. – Начинается очередной увлекательный день в аду! Ну, ничего, ещё потерплю. Недолго мне тут осталось», – усмехнулся он, крепко сжимая кулак до хруста в пальцах.

В тюрьме с рассвета заключённые отправлялись на рудники. Пока на улице стояло пекло, в шахтах звенела бессмысленная и беспощадно выматывающая работа. Под постоянным присмотром охраны, минута за минутой, час за часом, стирая ладони в кровь, впивались киркой в камень невольные рабочие долины. Обезвоженные тупой рутиной зэки не могли даже огрызаться. После шести вечера они получали возможность провести часок на воздухе в тюремном дворике. К этому времени солнце не опаляло столь жестоко изможденные лица и даже старалось быть ласковым. В короткий промежуток некоторым удавалось отдышаться и хоть немного передохнуть в нескончаемом потоке изнуряющих дней. Перерывом каждый распоряжался по-своему, и одних от других отличала деловая хватка. Как бы ни был жесток ритм жизни в «Мёртвой долине», напоминающий смертельную полосу препятствий, некоторые успевали обзавестись связями даже тут. Выбирать из общества особо не приходилось, но к некоторым следовало относиться куда более осмотрительно, если хотелось жить свой век без громких разногласий.

Нежелание Сида гнуть спину в шахте сказывалось на его поведении. Часто по той или иной причине его надолго кидали в карцер. Для многих сидеть в одиночестве без дела в абсолютной темноте казалось пыткой, но только не для Сида. Он отмечал, что это, безусловно, скучно, и можно легко тронуться рассудком уже на второй день пребывания под землей, однако стоит выработать личную систему досуга – и недели летят словно миг. Когда тебя окружает непроглядный сумрак, легче всего уставиться в одну точку и отключить мысли. Несложная практика, которую Сид освоил в юности. Просто смотреть прямо и не думать. В какой-то момент перед глазами начиналась фантазмагория с увлекательным сюжетом, надиктованным невесть кем из глубин разума. Сказать, что Сид спал, было бы неверно. Он грезил наяву, не сходя при этом с ума. В его положении выдумать этакое оказалось лучшим выходом из безнадёжной и унылой действительности. Визит Гудмана прервал его двухнедельное заточение и вернул обратно на рудник. Сид изрядно похудел за последний год, и физическая нагрузка утомляла сверх прежнего.

«Если и коротать оставшиеся денечки в долине, то уж лучше в комфорте», – рассуждал Сид. Присев возле длинной стены, он высматривал, с кем бы из заключённых затеять драку, ну или на крайний случай попытаться чем-нибудь досадить охране. Взгляд его блуждал, подмечая, что и другие заняты своими делами.

Братья Голл что-то обсуждали, временами поглядывая на Сида. Ким, Жаба и Чауд молча сидели втроем, созерцая пыль под ногами. Хорёк, как обычно, затесавшись среди свежеприбывших арестантов, запугивал и без того потерянных новичков кошмарами долины. Леденящих кровь имен хватало, чтобы любой услышавший их впадал в протрацию. Красный Бу, Лезвие Боб, Бун Браун, Страшила Уизли, Скользкий Саймон, Акула Симон – это был далеко не самый полный список имен монстров. Несмотря на то что их практически никогда не выпускали из своих камер, Хорёк с удовольствием припоминал каждого, от души забавляясь трясуцимися поджилками слушателей.

В последнюю очередь Сид заметил, что и Старик Карл сегодня вышел наружу. Он мирно общался с другими зэками, временами одобрительно хохоча.

Сид знал ещё с полсотни имен и кличек присутствующих на площадке, но его внимание осталось приковано к вышеперечисленным. В тюрьме именно эти персонажи представляли особую касту. Возможно, это не сразу определялось по их внешнему виду, но Сид был уверен в этом.

Братья Голл с виду казались близнецами, когда на деле их разделяли два года разницы в возрасте. Оба высокие, коренастые, с покатыми лбами и тупыми овальными носами, напоминающими репку. Сильные, агрессивные и жестокие садисты без чувства нравственности. В личном деле именно так вырисовывались их характеристики. Они были тупы в составлении планов грабежей, проворачивая свои дела на свободе лихо и грязно. Первым в долину попал младший брат Тодд, через пару месяцев к нему присоединился и старший Дональд. Их ничем не подкрепленное, непомерно завышенное самомнение как туча омрачало жизнь многих в тюрьме. Зазнавшись, они решили, что вправе издеваться и требовать дань со слабых и безвольных. Кто отказывался выполнять требования, были биты, или, что ещё хуже, на них начинали давить всевозможными пакостями – будь тодохлая крыса в тарелке супа или по случайности сломанные пальцы на рудниках, Голл знали, как расшатать чужие нервы. На их лицах довольно часто мелькала наглая ухмылка и высокомерный взгляд, злобно наблюдавший исподлобья. Сид читал братьев как открытую книгу и точно знал, что к физически сильным противникам они относились с ненавистью и пренебрежением. Джонсона они возненавидели с его самого первого дня, и дело закончилось дракой и карцером для всех троих. Братья всегда были в курсе событий и умело запугивали ослабленных и потерявших надежду.

Ким, Жаба и Чауд. Эту троицу обходили стороной вовсе не из-за их внешнего вида, как раз наоборот, за ними закрепилась невидимая власть. Ким – по происхождению англичанин, высокого роста, крепкого сложения, и большинство сторонилось его в первую очередь. Да, он мог оборвать чужую жизнь без промедлений, если в том имелась необходимость, но всё-таки главным достоянием он считал свой острый и расчётливый ум, а не кровожадность. Сиду, как и остальным, не удалось понять, что творится у того в голове. По чужим рассказам, эта троица организовала захват пограничных городов и терроризировала местных жителей. Ким стоял во главе шайки. И, видать, дела пошли слишком хорошо – что однажды всю банду перестреляли рейнджеры. Немногие выжившие получили пожизненный срок в «Мёртвой долине».

Жаба был невысокого роста с глазами навывкат. В нем странным образом сочеталась смесь европейца и латиноамериканца. Смуглый, тощий, но с круглым лицом и водянистыми бледно-голубыми глазами. Жаба стал лучшим медвежатником ещё в подростковом возрасте, и ни один сейф не мог устоять под его тонкими пальцами. Чауда же многие про себя называли цепным псом. Не пускающий слов на ветер, сильный и суровый мексиканец выполнял любые приказы Кима с необычайной верностью и тщательностью.

Давно переплетённые линии судеб предоставляли компании преимущество в проворачивании своих тёмных дел за спинами у других. В тюрьме никому нет веры, поэтому они крепко держались друг за друга.

Кличка Хорёк оправдывала своего владельца. Этот шустрый и скользкий тип был главным посредником всех споров и разногласий между заключёнными. Он мог найти практически что угодно за определённую плату. Как? Никто не знал, и старожилы предпочитали не связываться с ним. Новички, попав под лживое влияние, нередко оказывались втянутыми в опасные разборки. При всём при этом Хорёк никогда не доносил, и никто никогда не видел, как он общается с охраной, поэтому его деятельность окутывал ореол тайны.

Все эти люди сотрудничали между собой, хоть в основном и ненавидели друг друга. Немногие знали, что большинство беспорядков внутри стен тюрьмы совершалось под влиянием их команды. Как только Сид попал в «Мёртвую долину», он понял, что воля начальника Лауда не распространялась повсеместно, и каждый старается вырвать себе кусочек теневой власти над другими. Действуя тихо и осторожно, группировка умудрилась опутать своей пау-

тиной большую часть тюрьмы. Изю дня в день, продолжая наблюдать со стороны, Сид постепенно распутал хитроумный клубок, понимая, что со стороны такого союза исходила постоянная угроза. То были настоящие преступники, и вместе они составляли элиту криминального мира. Но ни в какое сравнение с ними не шёл старик Карл.

Сколько лет было Карлу? Кто знает... Шестьдесят, восемьдесят? Новоприбывших запугивали местной легендой, что Карл – это демон тюрьмы, рожденный ещё до сотворения мира и облюбовавший этот клочок земли. Тюрьма построена прямо над его домом, и, потревоженный людьми, он вышел наружу и стал жить с ними. По ночам он ворует души, а злое свист ветра – это их стоны.

Услышанному не верили и усмехались. Но при первой встрече с Карлом их лица вытягивались, тело невольно напрягалось, а желудок сворачивался в комок, и вместе с сердцем они начинали танцевать конвульсивный танец смерти. От этого человека исходила дьявольская сила. Каждый дюйм его тела дышал здоровьем и энергией. Могучие жилы выглядели тверже стали. Никто и никогда бы не дал Карлу семьдесят три. Лицо старика, но тело титана. Его внешний облик пугал. Правая рука отсутствовала по предплечье. Культию и плечо украшали загадочные узоры и надписи. На спине – татуировка смерти с косой, на сердце ворон. Порой сложно было отличить, где заканчивается необычный узор рисунка и начинаются шрамы. Тело сплошь изрезано ими. Левый глаз заволочла пелена, и грубый порез поперек него доходил до скулы. Сдавленное морщинами лицо украшала борода. Волосы на голове, местами поседевшие, сбившись в плотные локоны разного размера, доходили ему до пояса. Потемневшая на солнце кожа словно впитала в себя всю пыль долины, а правый глаз умело видел людей насквозь. Карла боялись и уважали.

Как давно старик находился в долине, никто не знал. За время его отсидки сменилось не одно руководство. Обычно те, кого заперли тут до глубокой старости, попросту не доживают до неё. Карл пережил всех. И это место стало постепенно походить на его дом. Он единственный человек из южного крыла, «гнезда монстров», как называли его про себя охранники, кого допускали к остальным заключённым. Держась обособленно, он тем не менее притягивал к себе товарищей. Добрая часть эков пошла бы за него в бой не из-за страха, но из глубокого признания. Он держался ровно и мог спокойно поболтать с любым в стенах тюрьмы. Без вызова, как наставник и приятель. Его чудовищное обаяние и аура абсолютного спокойствия благотворно действовали на почерневшие сердца некоторых. И чему Сид поражаюсь по-настоящему – что рядом с ним, несмотря на крошечный ад, люди могли улыбаться.

Но то была одна личность Карла. С другой стороны он являлся настоящим палачом для охраны. В последние годы он всё же успокоился и, став примерным заключённым, получил возможность выходить наружу в общий двор. Зато раньше старик периодически выходил из себя и мог устроить побоище, вынося за удар двоих, а то и троих ребят в униформе. Охрана, конечно же, избивала Карла в ответ, но потери были несоизмеримы. Один пенсионер, который придёт в норму после побоев уже на следующий день, и трое парней с дубинками, выведенных из строя на ближайшие полгода. Даже с одной кистью он оставался непобедимым бойцом. Старик был большой проблемой, но никто не осмеливался спустить курок и пристрелить его. Карл завоевал своё право на жизнь, оставаясь в живых там, где все уже давно были мертвы.

Среди тюремщиков ходили разные и ужасающие слухи, за что именно старик, ещё будучи не стариком, попал сюда. На совести Карла имелось множество загубленных жизней, но осмелиться спросить его о прошлом желающих не находилось.

Сид старался никак не относиться к Карлу. Слишком приметная фигура могла легко очаровать силой. Но чужая мощь всегда влечет за собой навеянное мировоззрение, поэтому Сид не слишком вдавался в ту правду, что следовала за Карлом, живя сам по себе. Одно он знал точно – что скоро начнётся нечто, и вопрос лишь в том, какая из сторон устроит беспорядок? Сид погрузился в раздумья и не заметил, как кто-то присел рядом.

– Рад, что тебя наконец-то выпустили размяться! Жаль, браги нет, а то бы посидели душевно.

Сид обернулся и увидел Томми. Морщась в приветливой улыбке, Том порылся в кармане и протянул Сиду самокрутку. После утомительного дня сигаретка в молчании была тем, что надо.

Хоть и прожил Томми всего девятнадцать лет, а всякого насмотрелся в мире. Мотало парня чуть ли не с пеленок, и выживал он, словно бродячий пес – где накормят и приласкают, а где и под зад пнут да пустят пару пуль следом. Но он не жаловался. Всегда оставался внешне весел и часто забавлял окружающих своим дурачеством. Не любил скуку и гнал прочь от себя любой серый день. Даже когда попал в долину, всё равно не покинули его силы задорно хохотать. Иногда он и мог перегнуть палку, но точно не со зла, так, по неосторожности. Обидчивый народ он понимал с трудом. Сид сразу приметил чистую душу и не поленился встать на её защиту, когда в самый первый день в тюрьме до Томми из-за цвета его кожи докопались братья Голл. Драка вышла славной, охрана с трудом раскидала участников по углам. После того эпизода дружба Томми и Сиды росла как-то сама собой. Но если за год у Тома появились тройка-другая знакомых, то Сид всё так же оставался нелюдом, общаясь только с ним. Будучи верным своей манере держаться чуть в стороне, Сид даже не поинтересовался у единственного товарища, за что тот сидит. Пришлось Томми самому как-то обмолвиться, что ненароком пришиб одного вялого шерифа, а за такие грехи, как известно, если не виселица, то дорога в «Мёртвую долину» – и поминай как звали. Правда, сломить Томми злему року не удалось, он оказался сильнее и устоял, приспособившись к новой жизни.

– Да-а... – Сид зевнул и потянулся до хруста в костях. – Начальник Лауд вовсе не тиран. Врут! Сказал, что на пару недель запрет под землей, а выпустил на неделю раньше!

– Так и есть! Врут почём зря. Меня тоже обещали вздернуть на сторожевом столбе нынче утром, а что получается? Живой я.

– За что вздернуть собрались?

– Так я девок позвать хотел. Ты, Сид, не знаю, может, мазями себя какими мажешь, что такой спокойный, а я как на вулкане сижу. Горит во мне всё от желаний, вот и пошёл жалобу писать, что где, мол, досуг? Без девочек мне жизнь не мила! Но, как обычно, попались мутные ребята из охраны, отправили драить сортир да пригрозили вздернуть.

– А если бы дошел до Лауда, думаешь, он бы позволил? – лениво спросил Сид, выпуская дым между зубов.

– Всё может быть. Он же добряк, так-то. Тебя на неделю раньше выпустил, возможно, и до моей мольбы снизойдет.

– Я слышал, что Лауд женат. Ему самому, наверное, нелегко сутками напролет коптиться с нами под одним небом. Не позволяй этим недомеркам в форме рушить свои планы, им-то, видимо вполне хватает для досуга друг друга! Попытайся ещё раз, дело важное всё-таки.

– А ты, смотрю, в прекрасном настроении! – усмехнулся Томми и похлопал Сиды по плечу. – Жаль, что заперли тебя за драку, которую начал не ты.

– Не обращай внимания. Я уже привык, и по мне, лучше в темноте, чем задыхаться на руднике.

– С этим я мог бы поспорить! Для меня карцер – худшее место, там же свихнуться на раз можно. Хуже только яма. Но яма – это не место, это пасть преисподней.

– А я думал, что тюрьма и есть ад.

– Тюрьма – это скорее чистилище. Я, конечно, в таких вопросах не силен, но отсюда возвращаются, хоть и крайне редко. Из ямы – нет. Тебя когда, кстати, выпустили?

– Ещё вчера днем.

– Так ты, наверное, слышал этот жуткий хохот под утро?

– Кто-то сошёл с ума. Опять, – без энтузиазма ответил Сид.

– Но не в такое же время! Между прочим, Сэм Лонг утверждает, что хохот доносился из соседней камеры. Но, по его словам, это невозможно, так как она уже пару месяцев пуста. По-моему, жуть!

Сид молчал. Томми болтал дальше:

– Я не понимаю, Сид, куда катится этот мир? У меня впереди ещё целая жизнь, а вокруг одна печаль и душевнобольные. Думаешь, так будет всегда?

Сид призадумался, а затем пристально посмотрел на Томми.

– Ты мне веришь?

– Ты мне глазки строишь, что ли? – с недоверием отпрянул Том, а потом затараторил: – Ты, конечно, славный, но давай останемся просто друзьями?

– Не дури! – закатив глаза, Сид устало вздохнул. – Ты спросил, будет ли так всегда? Ты мне поверишь, если отвечу «нет»? Возможно, что уже к концу этого дня изменится вообще всё.

– Ты это о чём?

– Я пока ещё и сам не знаю. Просто постарайся не умереть от долгожданных перемен!

– Сид, да к чему ты ведешь?! Ты собрался удрать от нас? Голыми руками будешь головы отрывать?

– Просто верь мне. Когда запахнет порохом, не пытайся меня найти. Используй шанс, чтобы сбежать самому.

– Это не шутка? Я тебя не понимаю...

– Или просто не хочешь. – Сид прищурил один глаз.

– Ты задумал побег?!

– Тише... ни слова никому. Побег задумал не я.

– А кто же?

– Я не знаю. Только догадываюсь.

Сид заметил, что в их сторону приближается охранник.

– Ты что-нибудь понял, Томми?

– Не уверен, Сид...

– Доверься инстинктам.

Том догадался, что пора срочно менять тему разговора.

– И знаешь, что эта кобыла ему отвечает?.. – Томми собирался сказать что-то ещё, но его перебил охранник:

– Джонсон! К начальнику Лауду!

– К самому великому и ужасному?! Быть того не может!

– Заткнись и шагай!

Сид встал и, махнув Томми рукой, пошёл в сторону здания.

Неожиданно он повернулся и, улыбаясь, добавил:

– Съездил бы ты в Техас, Томми, там дамочки приветливые и спелые!

Удар дубинки вернул Сиду в прежнее направление, и более он не отвлекался от дороги.

Томми глядел вслед уходящим фигурам.

«Техас? я никогда не был в Техасе...» – Но его отвлекли от манящих дум: заключённых начали заводить обратно в камеры. Том молча направился к общей колонне.

На небо опускались сумерки.

Ожидание Грэга продлилось недолго. Не прошло и пяти минут, как Джонсон стоял на пороге его кабинета.

– Снимите с меня наручники!

– Сэр, нам его успокоить? – пробасил темнокожий охранник, покосившись на Сиду.

– Мистер Лауд, обращаюсь лично, дабы ваши подчинённые могли убедиться, что я разумный человек. Я пришёл к вам с личной просьбой. С моей стороны будет глупо устраивать переполох.

Грэг молча смотрел на Сиду. Затем медленно перевёл взгляд на сопровождающего охранника и, вопросительно приподняв левую бровь, кивнул головой обратно в сторону Джонсона.

– Открой, – коротко сказал он.

Руки и ноги Сиды освободились от кандалов, и он прошёл вглубь кабинета.

– Как я и говорил, мистер Лауд, у меня к вам личная просьба.

Грэг продолжал молчать, не нарушая тишины. Пододвинув своё кресло поближе к письменному столу, Лауд достал потрёпанную тетрадь в чёрной кожаной обложке и начал изучать записи.

– Значит, у тебя ко мне просьба? Интересно... хорошо! Оставьте нас. Только без фокусов, Джонсон! Иначе сразу поймашь пулю.

– Справедливо.

Охранники покинули кабинет.

– Итак...

Лауд оторвался от своей тетрадки и перевёл внимание на Сиду.

– Итак, – повторил Сид и сел в кресло перед Лаудом.

– Кстати, если ты не заметил, то это я приказал привести тебя.

– Всё просто совпало, Грэг.

– Пусть так. Но твоя просьба подождёт. У меня к тебе пара вопросов.

– Я не против.

– Хм...ты сегодня покладистый.

Грэг взял тетрадку со стола и помахал ей в воздухе.

– В ней все самые необходимые сведения о каждом заключённом. Такой уж я человек, не люблю оставлять пробелы в работе. Если кому-то вздумается сбежать, то ему не удастся долго погулять на свободе. Первым, к кому он пойдёт, будут или друзья, или семья. Пройдись он хоть раз по тем местам, где когда-то уже бывал раньше, – и он у меня в ловушке. Я знаю дорогу каждого до ворот моей тюрьмы.

– Неужели и про старика Карла вы всё знаете?

Сид выглядел неподдельно заинтересованным, монолог Лауда полностью захватил его внимание.

– Для него у меня отдельная папка.

– Он легенда...

Сид с мечтательным видом задумался о чём-то. Лауда забавляло наблюдать за его реакцией. Глубоко вздохнув, Грэг убрал тетрадку в ящик стола и откинулся на спинку кресла.

– Вот в чём парадокс. О Карле я знаю больше всех в этой тюрьме. А о тебе – совсем ничего. Ни имен, ни адресов. Лишь бесконечные случайные перестрелки да беспорядки. А итог – поджог усадьбы Уайта. Тебя словно никогда и не существовало ранее. Сколько прошло уже, как ты впервые объявился на западе? Пять лет? Шесть? Можно ли это считать официальным годом твоего рождения? А до этого? Ни у кого нет ответов. Поэтому я спрошу тебя лично. Сид Джонсон, кто ты такой?

Сид молчал. Затем он посмотрел Лауду в глаза и, пожав плечами, невинно улыбнулся.

– Всё ясно. Больше пробелов в информации я не люблю сюрпризов. А то, что случилось вчера, не вселяет добрых мыслей. Что-то затевается, Гудман появился неспроста. И единственный, кто бы мог пролить свет на истину, это ты, Джонсон. Но ты молчишь. Я догадывался, что дело примет такой оборот. Любая твоя просьба подождёт. Может, месяц? Ничего личного, но ты отправляешься обратно в карцер. А ещё я усилю охрану. Посиди, подумай. Захочешь поболтать – мои двери открыты для тебя, Сид. А пока что... охрана!

Рослые качки подхватили Сиду, словно перышко. Вслед за ними в комнату прошёл юный практикант Билл с кофейником на подносе. Сиды вновь заковали цепями. Новости явно испор-

тили ему настроение, но уже на выходе он всё же рассмеялся. Неожиданный смех вспугнул Билла, и он случайно пролил кофе на штаны начальника Лауда.

– Билл, какого чёрта?!

Лауд вскочил с кресла и салфеткой начал вытирать штаны. Билл замер с пустым подносом, совершенно озадаченный случившимся.

– Грэг, а ведь отсидеться недельку-другую в карцере – это именно то, что я хотел попросить у тебя!

Сид смеялся недолго, резкий удар дубинкой по животу заставил его замолчать, скрутив болью в позе новорожденного.

– Для тебя он – мистер Лауд, сэр! – гаркнул охранник с медной рожей.

Слова Сида дошли до сознания Грэга спустя несколько мгновений, как того вывели. Всё ещё перепачканный кофе с салфеткой в руке, он посмотрел в сторону двери.

– Билл, что Джонсон только что сказал?

Билл молчал. Его взгляд застыл на пропитанном кофе кресле.

– Билл! Да приди ты в себя! Устроил переполох на пустом месте.

Билл встрепенулся. Посмотрел на начальника.

– Что-то о карцере, сэр.

– Да нет же... К чёрту тебя, Билл. Приберись тут и до завтра не показывайся мне на глаза!

Билл, временами вздрагивая, навёл порядок и оставил Лауда одного.

Слепой мрак незаметно отбирал внимание, растворяя в себе время. По приблизительным меркам Сида, как раз перевалило за полночь. Временами от постоянного сидения затекали ноги. Узкая щель в скале, которую называли карцером, была не больше комода. Не настолько тесно, чтобы начинать задыхаться от паники, но и невелика, если бы захотелось выпрямиться в полный рост. Дыру закрывали крепкой дверью с засовом. Сид вслушивался в шорохи, и ему показалось, что кто-то идет. Протяжно заскрипев, дверь отворилась. В коридоре стоял некто в капюшоне и с масляной лампой в руке.

– Пошли, надо спешить. – Незнакомец что-то услышал сверху и вытянул шею посмотреть, в это время свет от лампы осветил его лицо.

– А если я откажусь, Билл? – Сид не спешил.

Отдернув капюшон, Билли нервно вздернул головой и достал откуда-то из складок накладки револьвер.

– Тогда мне придётся тебя заставить!

– Я всё понял. Выхожу. – Без лишних требований Сид уступил.

Они находились на самом дне карцера. Ниже была только яма. Билл выглядел взволнованным и растрепанным.

– Я пойду первым, Джонсон. И без глупостей. Поднимем шум – пристрелят обоих.

Сид кивнул, и они начали круговой подъем вверх. Мысль о том, что он никогда больше не увидит яму, была ему по душе. Всё выше и выше. С каждым пройденным шагом ненасытная пасть смерти оставалась позади.

– Кстати, Лауд говорил, что знает обо всех в этой тюрьме. Как же он удивится, когда ты вонзишь ему нож в спину.

– Лауд идиот! Этаким самоуверенный лев в пустыне. Он даже не предполагает, какой сюрприз мы ему устроим.

– А я ведь тоже не предполагал, что это будешь ты.

– Никто и не узнает. Мне стоило немалых трудов организовать всё это.

– Грэг не любит сюрпризов.

Они продолжали подниматься по узкой тропе. Пару шагов в сторону – и рискуешь сорваться вниз, во тьму.

– А как тебе удалось так бесшумно расправиться с охраной?

– Какой охраной?

Они как раз вышли на площадку верхнего этажа, как из прохода, ведущего наверх, появились двое в форме. Все застыли на расстоянии нескольких шагов. Первым отреагировал Билл и выстрелил. Один упал замертво. Второй охранник, опоздав на целую секунду, выстрелил в сторону Билла, но тот уже успел отскочить и второй пулей прикончил его.

– Проклятье! Обычно по ночам тут не проверяют. Джонсон, ты в порядке? Мне заплатят лишь за живого тебя.

Билл обернулся и замер. Левой рукой Сид сдавливал правое плечо. Его ранили, сквозь пальцы стекала алой полоской кровь. Он стоял на самом краю. Ещё шаг – и он исчезнет в пропасти.

– Джонсон, ты сейчас упадешь...

Но Сид не услышал Билла. У него закружилась голова. Теряя сознание и оступившись, он исчез в яме.

Глава 3

Дуглас начинал ночной обход незадолго до полуночи. Не спеша ступая по пустым коридорам, он прислушивался к бормотаниям в камерах. Ночь выдалась облачной и безлунной, пустота чёрного заволакивала пространство. Свет от лампы не мог пробиться дальше пары шагов, поэтому Дугласу приходилось постоянно всматриваться вперёд, чтобы не пропустить очередной поворот и не натолкнуться на стену.

Сегодня его смена началась раньше обычного. Лауд приказал всем повysить бдительность и незамедлительно приступить к своим обязанностям. С чем было связано такое решение, никто не понял, и Дугласу оно было явно не по нраву. Ему только начало везти в карты, когда его вызвали на дежурство. Оставив беспроегрышную масть, он отправился в западное крыло.

В этой части тюрьмы сидели в основном мошенники, грабители и тому подобный сброд, кто не отличался особой жестокостью, но успел разорить не один банк. Охраны здесь было меньше, нежели в южном или восточном крыле, – лишь по паре человек на каждом из трех постов. Сегодня в наряд прибавили по человеку, но Дуглас всё так же совершал обход в одиночку. К концу привычного маршрута его отвлек посторонний шум. Он стоял на перекрестке, левый поворот вёл к камерам, правый – к последнему блоку. Непонятный звук неприятно поскребывал с обеих сторон. Дуглас замер в ожидании. Чем больше он прислушивался, тем отчетливее слышал приближающиеся голоса. Приготовившись, он сделал несколько шагов в сторону. Некто подступал. Револьвер готовился встретить незнакомцев. Все мышцы напряглись, и, всматриваясь в непроглядный мрак, Дуглас начал приближаться к камерам.

– Дуглас! Какого чёрта ты крадёшься, как кошка на охоте?

Двое охранников вышли со стороны блока навстречу свету. Дуглас резко обернулся.

– Дин, Роджер?! Дьявол вас раздери обоих! Проклятое эхо, ничего не мог понять до последнего, откуда голоса доносятся! Что вы тут забыли? Это же не ваша территория.

– Лауд отправил охранять карцер, – ответил Дин, покручивая бакенбарду.

– Бойтся, что мертвяки полезут из ямы?

– Заткнитесь оба, о таком не стоит шутить! – в разговор вмешался Роджер.

Дин и Дуглас переглянулись. Будучи старше Роджера на пару десятков лет и насмотревшись уже вдоволь на нервную молодёжь, они не стали подливать масла в огонь.

– Ладно, не горячись. Просто что-то явно беспокойно, если Лауд сваливает на нас лишнюю нагрузку. Удачи, парни, я закончу с этим блоком и возвращаюсь на перекур в комнату отдыха.

– Перекинемся в картишки после?

– Как скажешь, Дин. Но не надейся отыгаться. Тихая и обеспеченная старость не для тебя.

– Сегодня мне повезет, вот увидишь!

И двое исчезли в ночной пустоте коридора, словно никогда и не появлялись ранее. Голоса затихли.

«Видимо, и правда почудилось», – решил про себя Дуглас и собирался идти в следующий блок, но вновь услышал подозрительный шорох со стороны камер.

«Не спится, значит, кому-то. Можно и помочь», – приготовив дубинку, он уверенно пошёл разобраться с беспокойным заключённым.

Темнота расступалась, неясный шум вёл всё глубже по коридору. Ещё шаг – и свет от лампы пролился на двери с пропитанными ржавчиной замками. Как только пространство осветилось, голоса затихли.

– И с кого же начать? – сказал он так, чтобы его слышали пленники, и пнул первую из трёх дверей. К его удивлению, та оказалась незапертой. Из пустой камеры повеяло сыростью. Дуглас потянулся к револьверу, но точный удар по затылку вырубил его, и охранник упал без чувств.

Жаба стоял позади с металлическим прутом в руках:

– Ты первый, тварь!

Он быстро разоружил охранника и, прихватив в придачу ключи, запер его. Лампу он разбил – свет резал глаза, так давно привыкшие к темноте. Он ориентировался в этих подземных лабиринтах, словно в собственном доме. По пути он открывал двери, и заключённые, тихо выходя из своих камер, следовали за ним. Свернув пару раз, Жаба остановился у очередного перекрестка.

«Кажется, здесь...» – подумал он и стал тихо насвистывать. Прислушиваясь, Жаба сделал пару шагов в сторону и засвистел чуть громче, разряжая пространство назойливым эхом.

«Это оно!» – Достав револьвер, он пустил несколько пуль в воздух.

– Начнем, пожалуй... – Жаба бросил взгляд на стоявших рядом сокамерников. Кровавые оскалы всем видом поддерживали его.

«Что-то Дуглас задерживается...» – Смит потянулся и зевнул:

– Слышь, Стоун, ещё минут пять – и пойдешь проверить, где старик.

Молодые караульные, уже не раз доказав свою преданность делу, заслужили право охранять западное крыло, однако, как бы сурово и грозно они ни выглядели, вооружившись винтовками и деревянными дубинками с металлическими набалдашниками, в сущности они всё так же оставались детьми. Задирая друг друга и отпуская сортирные шуточки, Смит и Стоун изо дня в день следили за своим блокпостом, но за всё время службы так и не увидев нарушителей, несколько расслабились. В западном крыле содержалось около сотни заключённых, и оно являлось вторым по площади в тюрьме.

– А че я-то? Может, сам? Заодно и вонь отступит, дышать-то чем-то надо, – флегматично ответил здоровяк Стоун.

– Не знаю, своё не пахнет. Мне нормально, – бодро пожал плечами Смит. – Так что, если хочешь отдышаться, вперёд за Дугласом.

– Да не так уж часто я и дышу. – На лошадиной морде Стоуна не дрогнула ни одна мышца. – Может, новенького отправим?

Третий охранник с подозрением покосился на них.

– А куда идти-то? – с неохотой спросил паренек с кошачьими глазами. Обычно он дежурил у северного крыла, где не было ни грабителей, ни убийц, а лишь блаженная тишина служебных помещений. Стараясь не раскрывать внутреннего волнения, он вёл себя довольно дерзко, что сразу заметили Смит и Стоун.

– Ты впервые в западном крыле? – вопросом на вопрос ответил Смит.

Новенький утвердительно кивнул.

– Ясно. Ну, слушай. У нас тут кольцевая, наш пост последний перед выходом. Ещё есть куча запутанных коридоров и ответвлений, но они все заканчиваются тупиком.

– Про карцер забыл сказать, – промычал Стоун.

– Ни к чему! – отмахнулся Смит, но, поразмыслив секунду, всё-таки добавил: – Ну да, между нашим постом и следующим – спуск в карцер. Те двое, что проходили тут недавно, как раз туда и направились. Ты запоминаешь? – Смит деловито нахмурил брови.

– Так точно. – Новичку совсем не нравилась идея идти куда-то, но из роли крутого парня он не выходил.

– Отлично! Люблю, когда у солдата в голове мозги, а не жопа, – усмехнулся Смит. – В карцер тебе не надо, там мертвяки и всякая падаль. Ты просто идешь прямо, временами сворачивая. Сначала налево, потом ещё раз налево, затем направо, налево, снова налево и нако-

нец – направо. Это где-то середина пути. Потом идешь прямо, пропускаешь два перекрестка, на третьем снова поворот...

– Обожди! – перебил кошачьи глаза. – Куда мне после второго лева?

– Начинается... – Демонстративно откашлявшись, Смит посмотрел на Стоуна. – Может, всё-таки ты сходишь?

– Я справлюсь! – не желая падать в глазах сослуживцев, новичок решительно шагнул вперед. – Налево, ещё раз налево, направо, потом вроде прямо, снова налево. Разберусь! – И, не дожидаясь ответной реакции, он толкнул решетчатую дверь, собираясь уйти.

– Стоять, солдат! – рявкнул Стоун.

Парень замер на месте.

– Первое правило караульного?!

– Ни при каких обстоятельствах не покидать свой пост! – отскочило от губ новичка.

– Правильно. А ты куда собрался? – Стоун грозно посмотрел на него.

– Так вы же сами сказали... – На этот раз, как бы ему ни хотелось выглядеть уверенно, новенький всё же растерялся.

Давящая минута показалась самой неудобной в его жизни, пока напарники не засопели, давась смехом.

– Нормальный ты парень! – похлопал Смит парня по спине. – Боевое крещение, в принципе, прошел.

– А Дуглас? – осознав, что над ним подшутили, новичок снова напрягся.

– Да куда старый денется?! – ухмыльнулся Стоун. – Небось трещит с Дином и Роджером. Скоро придёт.

Новенький прорычал себе что-то под нос и вернулся на место.

– Ты ведь не обиделся? – Стоун преобразился в настоящую душку. Теперь на его фоне смешливый Смит выглядел хмурым задирой. – Как звать-то?

Круглые зрачки злобно сверкнули в темноте.

– Патрик. Нет, я в норме.

– Но ты правда крутой! – одобрительно усмехнулся Стоун. – Обычно кто заходит к нам на первое дежурство, только при слове «карцер» пускают душные ветра.

– Чего бояться-то? – Лесть сделало своё дело, и новичок, оценив добрый нрав сослуживцев, улыбнулся в ответ.

– Пойми, что там, у людей, на уме, – пожал плечами Смит, – некоторых яма пугает, верят, что по ночам тут гуляют призраки и всякая нечисть. А ты молодец, не трус!

Устав от комплиментов, Патрик собирался съязвить Смиту в ответ, но неожиданно проглотил язык, услышав несколько выстрелов подряд.

Моментально встав наизготовку с оружием в руках, Стоун обернулся к Смит.

– Слышал?!

– Конечно!

– Прозвучало со стороны выхода, – заключил Стоун. – Что будем делать?

– Может, сходим проверить? – нерешительно предложил Смит.

Охранники замолчали, предоставив тишине гнетуще накаливать атмосферу. Их слух улавливал только стук падающих капель с потолка да собственное сердцебиение.

– Странно... – выдохнул Смит, но тут же резко встрепенулся, услышав очередные раскаты оружия.

– Надо идти! – сказал Стоун.

– Я с тобой! – согласился Смит.

– Вы покинете пост? – вмешался Патрик.

– Ты сам слышал, нужно спешить! Стреляли совсем близко! – Стоун явно был взволнован. – Не пойми что творится, а мы тут прохлаждаемся.

– Патрик, ты за главного! Придёт Дуглас – открой ему! – Смит так же, как и Стоун, не желал тратить время понапрасну и торопился проверить, что к чему. Кинув новенькому связку ключей, он пустился рысью по коридору.

– Подождите! – обратился Патрик в пустоту, так как напарники уже покинули его. – Чтоб вас! Кто ж так делает?!

Неприятное одиночество изводило и без того напряженного Патрика. Он то и дело оборачивался по сторонам, пытаясь разглядеть движение во мраке. Отгороженный стальными прутьями от незнакомой территории соседнего крыла, он несколько потерял бдительность и позволил себе вольность поставить ружье на землю и закурить. Как только он облокотился на дверь, из тьмы появились руки и, крепко зажав пальцами рот и шею охраннику, сильно трянули его головой об сталь. Оглушенный паренек повалился на землю. Нарушителям только и оставалось, что подтянуть к себе ключи и открыть дорогу к свободе. Однако никто не спешил рваться вперёд – схватив Патрика, они потащили его обратно, откуда пришли.

Пока одни захватывали позиции и готовились к атаке, Жаба тем временем приблизилась к очередной камере и открыл её нараспашку.

– Не может быть! Я думал, этот день никогда не настанет! – воскликнул Хорёк, устроившись у стены.

– Давай живее! Сейчас нельзя терять время! – Жаба старался не подавать виду, что нервничает.

Хорёк встал с земли и не спеша потянулся. На лице играла довольная ухмылка.

– Я так устал от всей этой утомительной серьёзности! Я предпочитаю получать удовольствие от своей деятельности, не забывая про юмор.

– Отведи нас к тайнику, а потом болтай и шути, сколько влезет! – Жабе не стоялось на месте.

Коридоры заполнялись людьми, и все как могли старались соблюдать тишину. Если кто-то начинал болтать, его быстро и грубо затыкали. Впервые в истории долины намечался побег, и желающих смыться оказалось великое множество. Некоторых предупредили о побеге заранее, и они, поглядывая в сторону Жабы, понимали, что тот и сам является всего лишь частью чьего-то хитроумного плана. Ставка возрастала с каждой минутой, и приходилось мириться с неизвестной переменной в угоду шансу.

– Никуда идти не надо, все здесь. – Хорёк раскидал в стороны служившие для сна подстилки и тряпки, обнажив свежуеутрамбованную почву. – Полгода тесал камень, пока не нашел мягкий грунт! – сказал Хорёк себе под нос и, скрипя спинной дугой, начал копать руками землю. Через пару минут он осторожно извлек деревянный ящик средних размеров, а следом за ним ещё и вещевой мешок. – Здесь пять стволов. Всё, что удалось пронести. Патронов зато в избытке!

Жаба подозвал к себе знакомых и отдал им большую часть оружия, припася один револьвер для себя.

– Это то, что я думаю? – Жаба кивнул в сторону ящика.

Глаза Хорька запылали возбуждением.

– Именно! – довольная улыбка расплылась по его тощей физиономии. – Если бы он не стащил для нас всё это... – Хорёк оборвал фразу, заметив заинтересованные лица посторонних. – В общем, чудо, что у нас это есть. Славная работа, ювелирная! Я, честно, уже не могу дожидаться начала феерии! В особенности тяжело было сдержаться и не пустить пулю в затылок кому-нибудь из охраны. Они такие бесы! Достали меня!

В камеру заглянул ээк огромного роста. Всё это время несколько человек караулило на входе. Здоровяк вопросительно посмотрел на Жабу:

– У нас скоро будут гости! Что прикажете делать, сэр?

Хорёк расхохотался:

– Ты смотри, лягушонок, к тебе обращаются не иначе как «сэр»!

Жаба злобно зыркнул в его сторону. Ничего не говоря, он дал вошедшему громиле заряженный револьвер и вернулся к деревянной коробке на земле.

Великан довольно хмыкнул и вышел. Через пару мгновений послышались выстрелы.

– Сделано! Всего один! – послышался голос из коридора.

Жаба и Хорёк вышли из камеры, прихватив с собой ящик.

– С какой стороны пришёл охранник? – спросил Жаба у остальных. В коридоре скопилось уже немало одичалых лиц. Впереди стояли те, кому Жаба отдал оружие. Остальные разминали кулаки, приготовившись пробиваться силой.

– Легавый пришёл со стороны дальнего поста, – ответил чей-то гнусавый голос.

– Неплохо! Пора перехватить других! Особых проблем возникнуть не должно! – Жаба кинул ключи амбалу с оружием. – А теперь слушайте внимательно, в чём именно состоит наш план!

Смит и Стоун приближались к выходу из восточного крыла, когда из смежного поворота им навстречу выбежал часовой из соседнего блока. Все немедленно остановились.

– До вас тоже донеслось?! – Смит с нетерпением смотрел то на одного товарища, то на другого.

– Сорвался с места сразу же! – ответил запыхавшийся охранник. – Еще один остался на посту, другой пошёл проверить кольцевую.

– Поспешим! – Смит возглавил отряд. Замыкал линию Стоун. Помимо нарастающей тревоги и беспокойства, какое-то иное зыбкое чувство закрадывалось в его сознание. Но у него не было времени думать об этом, они практически приблизились к воротам.

Ночная смена составляла вполонину меньше людей, нежели днем. Навстречу им вышел караульный.

– В чём дело, парни? Пересменка только через три часа.

– Что? Какая пересменка?! У вас тут стреляют! – Смит выпучился на него во все белки.

– Мы тоже это слышали, меня отправили проверить! – вмешался в разговор охранник, прибывший с другого блокпоста.

– Какие выстрелы? Вы о чём?! У нас тут всё тихо, – встречающий их часовой вопросительно уставился на них.

Наступило гробовое молчание.

И лишь бледный как призрак Стоун прошептал:

– Новичок...

Начальник Лауд сидел в кабинете и разбирал отчеты. В дверь постучали. Грэг исподлобья посмотрел на дверь. Откинулся на спинку кресла и на секунду закрыл глаза.

– Сэр! Это срочно! – голос снаружи звучал взволнованно.

Лауд встал. Не спеша накинул свой плащ и подошёл к двери. Открыв её, он встретился взглядом с часовым.

– Где? – устало спросил он.

– В западном крыле!

– Что произошло?

– Были слышны выстрелы.

Глаза Лауда сверкнули гневом. Он резко двинулся с места и зашагал вглубь коридора. Охранник поспешил за ним.

– Как давно?

– Минут пятнадцать назад.

– Почему так долго не докладывали?!

– Охрана на блокпосте оказалась дезориентирована и решила, что стреляют в другом блоке. Пока они добрались до выхода из западного крыла и разобрались, в чём дело, прошло некоторое время.

– Они оставили свой пост?!

Грэг остановился. Его тело содрогалось от злости.

– Какого чёрта тут происходит?! Сколько человек отправилось разбираться с беспорядками?

– Около десяти, сэр!

– Отправьте ещё столько же! Соберите всю охрану! Усилить восточный и южный проходы! Что с карцером?

– А что с карцером, сэр?

Взгляд начальника пронзал насквозь, и последнюю фразу охранник говорил всё тише и тише, чувствуя себя при этом меньше с каждым словом.

Грэг посмотрел на него снисходительно. Глубоко вздохнув, он продолжил свой путь.

– Направь троих в карцер через восточное крыло.

– Но ведь проход слишком низок. Придётся ползти на карачках.

– Немедленно!

– Есть, сэр!

Охранник свернул направо, Грэг же продолжил идти прямо.

– Куда вы, сэр?

– Есть дело! И что бы ни произошло, не дайте им прорваться!

На входе в западное крыло царила суматоха. Прибывали резервы из северной части. Оружие и обмундирование раздавалось в порядке очереди. Старшина стоял возле карты тюрьмы и инструктировал персонал.

– Всем внимание! Выстрелы прозвучали в верхнем районе крыла. Западная часть делится на две части. Верхняя, кольцевая, и нижняя, прямая. Отряд из десяти человек отправлен на проверку кольцевой. Дезертиры каким-то образом выбрались из камер и, скорее всего, уже пересекли дальний пост кольца и спускаются вниз к следующему. Предположительно, освобождая других из камер, они, скорее всего, планируют скрыться в туннелях и атаковать нас из темноты. Они вооружены, но их оружие ограничено! Их много, но у нас больше патронов! Нам по силам подавить бунт! Соблюдайте осторожность! Как только кольцевая часть будет зачищена, проверьте карцер. Оттуда нет выхода, о котором бы знали беглецы, но нам не нужны лишние сюрпризы. Небольшой отряд уже отправлен туда, но ещё пара человек не помешает. Сейчас это отродье почувствовало волю, но ненадолго. Им некуда бежать! Мы загоним их, как крыс в клетку. Десять человек отправляются в нижнюю часть крыла, остальные рассредоточиваются по периметру! Всем всё ясно?

– Так точно, сэр! – хором ответила охрана.

– Если ясно, то приступайте незамедлительно! Я хочу, чтобы к завтраку все крысы сидели в своих норах!

Приказ был отдан, и солдаты приступили к его исполнению.

Отряд приблизился к покинутому посту в западном крыле. Смит и Стоун оказались в первой линии, ведя за собой остальных. Дверь в следующий блок была открыта.

– Неужели новенький пошёл туда один? – Смит сжал кулаки от негодования.

– Мы найдем его! – Позади него стоял Стоун. В его взоре читалась несокрушимая решимость.

Не пройдя и десятка шагов, отряд вновь встал. На земле без сознания лежал Патрик.

– Он жив?! – взволнованно подскочил к нему Смит и проверил пульс. Нашупав биение, он облегченно выдохнул: – Просто в отключке. Кто-нибудь, доставьте го в лазарет.

Они пошли дальше. Всё глубже продвигаясь по коридору, отряд достиг камер заключения. Все приготовились. Три человека, прикрывая друг друга, пошли первыми, остальные притаились возле стен.

– Пусто, все ушли! – донёсся из темноты голос разведчика. Продолжив движение, отряд повсюду наблюдал покинутые камеры с открытыми нараспашку дверьми. Напряжение нарастало.

– Здесь раненый! – доложил лидер колонны.

– Плохи его дела, – охранник, осматривавший раны, снял руку с пульса.

Часовой открыл глаза. Он был очень слаб. Первая пуля ранила его в ногу, вторая угодила в район сердца. Раненый шевелил губами, пытаясь что-то сказать. Смит нагнулся, стараясь услышать слова.

– Что он говорит?

– Я не слышу. Эй, браток, отдыхай, скоро тебя подлатают.

Губы продолжали шептать. Каждое слово давалось с трудом.

– У них... они... взр... – он впадал в забвение, слова обрывались на середине.

– Он уходит. – Охранник с досадой констатировал прискорбный факт.

Собрав остатки воли, часовой схватил стоявшего рядом Смита за рукав.

– У них взрывчатка! – сказав это, он потерял сознание.

Смит не хотел верить услышанному.

– Он сказал – у них взрывчатка! – доложив остальным, Смит с трудом проглотил подступавший к горлу комок.

Движение отряда возобновилось.

Приближаясь к следующему посту, солдаты замедлили ход. Шагали тихо и осторожно. Неожиданно звонкий выстрел пронзил пространство. Одного из охранников подкосил вражеский снаряд.

– Засада! – Отряд прижался к стенам. Стараясь укрыться в камерах, они вели прицельный огонь. Началась перестрелка. Темнота ненасытно поглощала град пуль. Смит выглянул из укрытия и бегло осмотрелся. В конце длинного коридора стреляли из нескольких орудий. Врага не было видно, но ему удалось заметить, откуда вспыхнул выстрел, и, моментально взвив курок, он поразил цель.

На несколько секунд огонь прекратился. И вновь, новой волной, более яростной, обрушился на охрану, но уже без одного револьвера в правом углу.

– Один есть. – Смит вернулся в укрытие и перезарядил ружье.

Жаба и Хорёк шли впереди остальных.

– Да ты у нас теперь лидер отряда, важным человеком стал. Меня распирает отеческая гордость. – Хорёк где-то раздобыл тележку и осторожно вез ящик со взрывчаткой.

Жаба ничего не ответил, лишь ускорив шаг. Преодолев несколько поворотов, беглецы вышли к длинному коридору, освещённому тусклым светом ламп.

– Недалеко ещё один блокпост. Думаешь, было разумно оставить большую часть оружия тем дикарям? – Хорёк остановился и опустил тележку. Жаба ненадолго призадумался. Вслед за ними шла группа сотоварищей.

– Да, если всё пройдет как надо, нам оружие и не понадобится. – Жаба обернулся и обратился к остальным: – Парни, ваша задача – отвлечь охрану. Прошу вас, не лезьте на рожон! Просто займите их ненадолго. Когда услышите сигнал, возвращайтесь.

Донеслись отголоски начавшейся перестрелки. Беглецы были в предвкушении, им не терпелось вырваться на свободу. Отряд разделился. Пройдя длинный и извилистый путь, Жаба наконец-то вывел свою группу к намеченному пункту. Зэки сомнительно уставились в глухой тупик.

– Здесь, – сказал Жаба, впервые переведя дух после всех ночных пробежек.

– Точно? – переспросил Хорёк.

– Точно.

Хорёк осторожно выгрузил ящик, открыл его и установил взрывчатку у основания стены.

– Как будем взрывать? – обернулся он к Жабе.

– По старинке. – Тот кинул ему сумку с порохом.

Закончив с подготовительными работами, Хорёк провёл пороховую полосу от стены до ближайшего поворота, где укрылись остальные. Дали искру, и огонёк, словно шустрый светлячок, устремился по кривой линии. Исчезнув во тьме, он достиг своей цели, и раздался оглушительный взрыв.

Хорька знатно оглушило. Со звоном в ушах, он поднялся и выглянул посмотреть на результат. Дым с пылью заволок помещение. Языки пламени местами освещали образовавшийся высокий проем в стене.

Разогнав вокруг себя дымчатую мглу, Хорёк обратился к остальным:

– Южное крыло, господа! Вы знаете, что делать!

Толпа ринулась вперёд.

Глава 4

Всю ночь Ким не сомкнул глаз. Каменное выражение лица застыло в напряжении. Его взгляд был устремлен на дверь камеры. Убить время было нечем, пришлось просто ждать до тех пор, пока посреди тишины не послышался лязг открывающегося замка. Подождав с минуту, он встал и распахнул дверь. Снаружи оказалось пусто, зато на полу лежали пара комплектов одежды охраны и медный ключ. Забрав с собой презент, Ким с притаившейся в уголках рта ухмылкой вышел из камеры и, осторожно ступая, двинулся по коридору. Возле одной из дверей, воспользовавшись ключом, открыл замок и заглянул внутрь. Чауд сидел в углу, в его глазах плыла безмятежность. Когда англичанин зашел к нему, он не обратил на того никакого внимания. Пришлось Киму подойти вплотную и присесть напротив, чтобы вызвать в нем живую реакцию.

– Возьми с собой, мы уходим, – сказал Ким, положив перед ним форму. Чауд слегка встрепенулся, словно до этого дремал, не закрывая глаз. Не проронив ни слова в ответ, он встал, и вдвоем они устремились к выходу.

Взрыв разнес в клочья основной блокпост южного крыла. Опьянённые адреналином заключённые, ворвавшись через новый проход, столкнулись с довольно безобразной картиной. Несколько обгорелых охранников лежали под камнями. Где-то слышались стоны. Кому-то повезло, и они выжили, но находясь в сильной контузии, не понимали, что происходит вокруг.

– Как бомбануло-то! – оживился Хорёк, всматриваясь в нарастающий беспредел.

Подбирая уцелевшее оружие, беглецы устремились к закрытым дверям, где содержались худшие заключённые. Каждая из них была прочнее, чем любая иная клетка в тюрьме. Запирались они на прочный металлический засов без замка. Чтобы отворить его, приходилось наваливаться всем телом, иначе железо и не думало сдвигаться с места.

Становилось крайне шумно. Уже никто не сдерживался, и голоса всё громче призывали к террору и свободе.

С каждой открытой дверью освобождался монстр. Узники, выходившие из заточения, отличались от остальных.

Показался строитель Том. Невысокого роста, курносый, крупноголовый, с залысиной на макушке, широким торсом и абсолютно безумным взглядом. Жертв он зарывал под фундамент своего дома. Когда шериф обнаружил, куда исчезали члены семьи местных фермеров, дом Тома к этому времени походил на склеп. При его задержании погибло несколько отважных людей.

Кровожадная улыбка не покидала Акулу Симона. Высокий маньяк с крепким телом и длинными, абсолютно белыми волосами. Его зубы были сплошь клыки, заточенные словно бритва. Обычно на него надевали намордник. Сегодня он наконец-то сбросил его. Он наводил ужас на жителей восточного побережья, поедая своих жертв, утоляя вечный голод.

Призрак с присущей ему меланхолией наблюдал за остальными. Худой и бледнолицый паренек с тёмными кругами под глазами. Он не внушал страх лишь до того момента, пока ему в руки не попадало что-нибудь острое. Развивая невероятную скорость, он резал всё живое в радиусе досягаемого удара. Одолеваемый вспышками безумства и тоски, Призрак начинал убивать в полную Луну, обрывая неуютные ему жизни со слезами на глазах.

Смакуя каждый шаг долгожданной прогулки, Бун Браун прихватил с собой одного из раненых охранников. Таща кричащего солдата за волосы, он утаскивал его подальше от света. Сухой и морщинистый Браун имел рваный шрам от губы и по всей щеке, похожий на дьявольскую усмешку. Люди боялись знать, что именно он делал со своими жертвами, но некоторые, кому не посчастливилось увидеть это, лишались спокойного сна навсегда.

Вышел из своего заточения и Красный Бу – невероятно огромный индеец с картофельным лицом, скудным на эмоции. Одним шлепком он мог переломить шею взрослому мужчине. Свой срок он мотал за месть белому человеку – забил как-то в гневе не один десяток солдат. Оглядевшись по сторонам, он остался стоять на месте, пропуская свору зла вперёд.

Босой Мо обожал женский плач и крайне бесился, если замечал, что его боятся. Трусов он душил голыми руками. Весельчак Дин, потерявший рассудок ещё подростком, ненароком убивал любого, кто проявлял к нему доброту. После каждой жертвы его разбирал гомерический хохот. Тим Спаун преследовал жертву до полного изнеможения последней и только после этого, смакуя момент, добивал её. Донни Могила любил прогуливаться по кладбищу, частенько оскверняя его новыми мертвецами, подвешенными на каком-нибудь дереве. Мистер Сноу убивал только сирот, притворяясь, что собирается усыновить их.

Каждое чудовище заслуживало расправы, но долина была создана именно для того, чтобы они как можно дольше мучились за свои преступления, ведь быстрая смерть была бы для них безболезненна и слишком проста.

Сегодня все эти ночные кошмары устремились к выходу, предвкушая славную бойню.

Хорёк с Жабой стояли в стороне и наблюдали, как толпа, объединяясь, движется на штурм.

– Пошли отсюда, тут сейчас начнётся нечто мерзкое!

– Согласен. Главное мы сделали. Переходим к следующему пункту плана.

Они незаметно скрылись в лабиринте тюремных коридоров.

Помещение опустело, но одна дверь так и осталось закрытой. Кто-то отодвинул засов, но пленник так и не вышел наружу. В каземате находился старик Карл. Пока остальные бесновались, он просто сидел, хмуро уставившись в пол. Когда первая волна безумия поутихла, Карл, сжав кулак, с недоверием посмотрел на дверной проем.

«Значит, время всё-таки пришло», – и, выпрямившись во весь рост, он сделал шаг навстречу заветной воле.

Хаос ворвался в тюремные блоки, смерть упивалась безумством агонии и яростью ночного противостояния. В то время как охрана пыталась прорваться сквозь засаду глубже в западное крыло, на южной стороне началась бойня. Взрыв привёл всех в смятение. Показавшись из тьмы худшие ночные кошмары вселили в большинство охранников непредвиденную панику. Отступать было некуда, резервы подтягивались, но складывалось ощущение, что ничто не могло остановить надвигающуюся стену. Началась стрельба. Пули не успевали за теньями, ловко скользящими в убийственном танце. Одного за другим подкашивала судьба своим серпом. На смену убитым врагам появлялись новые. Оборона не успевала перезаряжать ружья, напор увеличивался. Несколько групп столкнулись в рукопашной схватке. Призрак раздобыл лезвие и мелькал среди толпы, оставляя кровавый след. Бэн Кувалда выносил противника, одним ударом ломая шеи и головы. Мистер Сноу обзавелся оружием и палил по сторонам. Его не особо волновало, в кого целиться. Акула Симон был по пояс перепачкан в чужой крови. Несколько новобранцев, подоспевших с северного блока, опускали руки после шокирующего зрелища и теряли волю. Их или настигала вражеская пуля, или некто намного хуже набрасывался на свою жертву. Бывалые бойцы стойко держались, но численность нападающих стала превышать охрану.

Началось медленное отступление и укрепление позиций на выходе. Страх сковывал тело, но в то же время помогал принимать важные и быстрые решения. Один из старших бойцов прикатил бочку керосина и выбил из неё пробку. Огородив команду кольцом горячего, он поджег жидкость. Огненная стена на несколько минут остановила беглецов и предоставила солдатам короткую передышку. Но то было лишь мгновение – как только пламя успокоилось, заключённые, как насекомые, возобновили своё нашествие. Отстреливаться стало чуть проще, некоторые эки безумно неслись на рожон и сразу ловили пулю. Ряды нападающих стали редеть.

Каменные стены впитали слишком много чужой крови. Бездыханные тела заполнили помещение.

Собрав оставшиеся оружие, более адекватные преступники решили отступить и начали вести прицельный огонь из укрытий. Остальные скрылись в туннелях. Охранники почувствовали, что им по силам отбить атаку, но вдруг позади них раздалась возбужденные возгласы:

– Они прорвались! Брешь в западном крыле!

После этих слов лица солдат потемнели. Казалось, что эта ночь никогда не закончится...

Смит потерял Стоуна из виду. Их отряду удалось отбить подготовленную засаду, но на пути их ждала ещё одна проблема. Преступники успели занять оборонительную позицию по другую сторону кольцевой, блокируя любые попытки прорваться. Они тянули время по приказу Жабы, не позволяя охране сделать ни шагу сквозь обстрел. Солдаты было приняли решение возвращаться к главному входу, но и там поджидали неприятности. Сняв с петель широкие и крепкие деревянные двери камер, беглецы воспользовались ими как щитами. Такая защита как нельзя лучше подходила для узких коридоров. Словно легионеры, они наступали плотным строем. Несколько человек держали двери, другие отстреливались из-за укрытия. Снаряды иногда пробивали брешь, но на место раненых вставляли другие, и колонна продолжала свой марш. Таким образом преступникам удалось оттеснить охрану к входу, заняв удобные позиции на периферии.

После того как среди выстрелов и криков раздался звук взрыва, стало ясно, что это только начало восстания. Подкрепление стекалось со всей тюрьмы, но количество беглецов перевешивало в значительную сторону. У них появлялось всё больше оружия, подобранного в ходе сражения. В конце концов блокпост не выдержал натиска, и ворота открылись.

Во всей этой суматохе и смене позиций отряды раскидало по разным сторонам. Большинство направилось к северному крылу. Некоторые решили прийти на подмогу к южным воротам. Времени было в обрез. Смит остался в центральной части, заняв оборону с несколькими товарищами.

Центр тюрьмы представлял собой широкую площадь с высоким скальным потолком. Сквозь отверстие наверху было видно небо, днем помещение освещалось естественным светом, а ночью походило на таинственный амфитеатр. В стенах имелись проемы с заключёнными в них страдальцами. Здесь их содержали временно, пока не освобождалась какая-нибудь камера в подходящем крыле. Также центр тюрьмы являлся перекрестком четырех дорог. Отсюда вели пути в остальные тюремные блоки. Сегодняшнее ночное восстание походило на битву в Колизее. На арене собрались бойцы, готовые сражаться насмерть. Заключённые, словно зрители, наблюдали за событиями. Бушуя и желая поучаствовать в сражении, все припали к решёткам, криками поддерживая бунт.

– Что происходит?! Этого не может быть! – одного из охранников трясло, и он не мог сосредоточиться на стрельбе.

– Не время ныть! Стреляй или помрешь! – Смит был в максимальном напряжении и не пропускал ни одного врага. Патроны подходили к концу, и нужно было срочно менять дислокацию. Во время короткой перебежки в новое укрытие он заметил Стоуна. Того окружили несколько человек. Плечо товарища было подстрелено. Он из последних сил держался на ногах. Враги уже приближались. Стоун дважды выстрелил из револьвера, на этом его патроны закончились. Смит подоспел как раз вовремя, успев прикончить врагов раньше, чем они Стоуна.

– Рад видеть, дружище. – Смит взял Стоуна под плечо. Тот был крайне измотан и слаб.

– Ты вовремя... – Здоровяк Стоун криво улыбнулся. Вместе они заковыляли в укрытие.

– Смит, ведь это наша вина, – тихо сказал Стоун.

– Да, – Смит спешно шел с раненым, но неожиданно случайная пуля зацепила его ногу, и они свалились наземь.

– Проклятье! – держась за рану одной рукой, второй он потянулся за оружием.

Они успели выбраться из зоны обстрела. Недалеко находились восточные ворота, рядом с которыми у них имелся шанс выжить. С усилием воли, оставаясь в сознании и терпя боль, бойцы поползли к блоkpосту.

Действия Кима спровоцировали цепочку сокрушительных событий, полностью дестабилизировав охрану восточного крыла. Вместе с Чаудом они открыли несколько камер и, действуя по сработанной схеме, выпустили заключённых. К сожалению, ключи, найденные Кимом ранее, не подходили ко всем замкам, поэтому народу снаружи оказалось в разы меньше, нежели в западном крыле. Несмотря на количество, эффект неожиданности сумел возыметь действие, и без того обескураженные солдаты вместо наступления начали отступать, полностью кинув все силы на оборону. Как раз этой реакции и добивался Ким, тем самым очистив коридоры от надоедливых дозорных. Дождавшись, когда большинство преступников, предвкушая свободу, не думая понеслись штурмовать восточные ворота, Ким и Чауд незаметно сменили имидж и в образе охранников направились к входу в карцер. Это был низкий и неприметный проход, о котором знали далеко не все, предпочитая ему удобный спуск в западном крыле.

– Чёрт, Столикий не шутил, придётся ползти червяком, – с досадой хмыкнул Ким, но дурное настроение мигом рассеялось, как только он вспомнил, что это был их путь наружу. – Ты-то пролезешь? – уже с нотой веселья спросил он у Чауда.

Мексиканец промывчал в ответ непонятные звуки и покорно начал втискивать себя в проем. Следом за ним полез Ким.

Бесшумно, крадась мышиной перебежкой, Томми затаился в углу, с расстояния наблюдая за исчезающими в каменной щели пятками англичанина.

«Доверься инстинктам, значит...» – стараясь успокоить дыхание, Том выждал несколько минут и, переваливаясь гуськом, продолжил преследование.

– Кажется, к нам гости! – помогая подняться другу, Стоун указал на подозрительные силуэты, уверенно шагающие в их сторону.

– Старина, у меня последний патрон, а их трое. Если успею прикончить одного, то останется всего-то навсего каждому по человеку. Разорвем их голыми руками, или пусть сами себя придушат? – Смит сплюнул. Стоун усмехнулся и ответил:

– А может, ты троих сразу за один выстрел прикончишь? – как только он договорил, прозвучал выстрел.

Смит промахнулся и, устало взглянув на товарища, окончательно приуныл.

– Ты не реви только, – с насмешливым отвращением Стоун приободрил напарника.

– Яйца-то не жмут? Давно таким бесстрашным стал? – Смит неприлично громко заржал и от досады кинул пустой револьвер в надвигающуюся стаю головорезов, хихикающих, словно гиены.

Нападающие были вооружены чем-то блестящим и явно острым. До кровавого месива оставались считанные шаги, но тут позади эков возник огромный силуэт. Одним ударом эта гора оглушила сразу двоих, а третьего с легкостью размазала по стене, что у того хрустнуло всё тело сразу.

Смит и Стоун замерли в недоумении. Перед ними стоял Красный Бу.

– Керук, надо спешить! – услышав голос, индеец развернулся и пошёл за человеком, позвавшим его.

С трудом придя в себя, охранники поковыляли дальше.

– Смит, ты видел, кто говорил с Красным Бу?

Смит молчал какое-то время, собирая по кусочкам увиденное. Цельная картина давалась его восприятию тяжело.

– Это был старик Карл, – на выдохе выпустил он мысль, не в состоянии думать больше.

Стоун не ответил. Поддерживая друг друга, раненые товарищи приблизились к восточным воротам.

Восстание достигло кульминации. Охранники восточного и южного крыла оказались отрезанными от главного сражения, происходившего у северных ворот.

Часовых южных ворот преступники зажали с двух сторон. Заняв более-менее устойчивую позицию, солдаты не дали оставшейся массе преступников проникнуть в центральную часть, не подпуская к себе с другой стороны и тех, кому удалось прорваться сквозь западный проход.

Небольшой отряд на востоке стойко оборонял свой пост. Только в этой части тюрьмы всё ещё было относительно спокойно. Безоружные беглецы лишь издали грозились пустить кровь охране, когда на деле впусую кичились, провоцируя солдат, чтобы хитростью попытаться завладеть хотя бы парой их ружей. Звуки противостояния, как гимн победы, доносились до пленников, но им не предоставлялось ни единого шанса присоединиться к всеобщему беспорядку.

А дальше всё развивалось слишком быстро. Воинственная толпа прижала охрану к северным вратам, за которыми начинался выход из тюрьмы. Если в начале побега арсенал бунтовщиков составлял всего несколько единиц оружия, то сейчас, после продолжительной и изматывающей атаки, они имели уже десятки ружей. Преступники активно наступали. Разъяренная человеческая масса со всех сторон окружила выход. Оборона не справлялась. Прорываясь через град пуль, беглецы подступили вплотную к дверям и начали выламывать их, раскачивая из стороны в сторону. В итоге ворота не выдержали силы толпы и рухнули. Среди заключённых раздались яростные возгласы триумфа, и они врассыпную начали заполнять собой коридоры северного блока. К этому времени охрана, понимая масштабы угрозы, сменила позицию и разместилась возле оружейного склада.

Смести врага окончательно оказалось не так просто, и беглецам пришлось разделиться. Небольшая группа отправилась на разведку в дальние туннели в надежде найти выход, оставшиеся на свой риск озлобленно понеслись добивать уцелевших солдат. В коридорах становилось слишком тесно. Колонна стремилась вперёд. Выстрелы звучали реже, и на какую-то минуту головорезам показалось, что они перебили всех ненавистных сторожевых дворняг. Некоторые эки начали ликовать.

Те, кто были в середине группы, не могли видеть, что происходит в начале строя. Все просто двигались вперёд. Вдруг с первой линии начали доноситься тревожные голоса и крики, но под общий гам разобрать их могли немногие. Часть толпы остановилась и попятилась назад, остальные продолжали двигаться прямо. Люди начали сталкиваться, нескольких случайно затоптали насмерть. Начались волнения. Те, кто шли в центре отряда, наконец-то приблизились и разобрали, что же им пытались сказать.

– Пулемет! У них там пулемет! – кричали в голове колонны.

Но было слишком поздно. Отступать стало некуда. Слыша эти слова, замирали на месте, но плотная человеческая стена давила и толкала прямо в ловушку.

Прозвучал удар колокола, и падающие на пол гильзы заиграли свою трель.

Ким и Чауд без особых проблем добрались до складских помещений, где их уже поджидали Хорёк, Жаба и ещё двое незнакомых Киму заключённых. Комнаты вокруг пустовали, и мятеж отдаленным эхом напоминал о себе. Конюшни находились за следующим поворотом.

– Кто эти двое? – англичанин прошёл мимо, коротко взглянув на остальных.

– Братья Голл. Они помогли нам прорваться сюда. – Жаба пошёл следом.

– И обещали быть паиньками. Правда ведь? – Хорёк смешливо подмигнул братьям, в ответ получив синхронный кивок двух картофельных голов.

Возле входа в конюшни Чауд остановился. Ким встрепенулся.

– Там кто-то есть, – коротко сказал Чауд.

Ким повернулся к братьям. Перепачканные в крови и земле, они накинули на себя куртки поверх тюремной робы, снятые, скорее всего, с убитых охранников. Придурковатый взгляд выражал готовность вернуться к сражению. Ким протянул им оружие.

– Разберитесь.

Переглянувшись, братья расцвели в кроважадной эйфории.

Грэг Лауд ждал. Он слышал выстрелы, крики и взрывы, но не двигался с места. Как только начался бунт, он передал план по обороне старшинам отрядов, предельно ясно указав, как поступать, если мятежникам удастся выйти за пределы тюремной зоны. Но интуиция гнала его с поля сражения. Ситуация казалась просто неуправляемой. У Грэга не осталось сомнений, что тот, кто придумал весь этот хитроумный и жестокий план, непременно решит незаметно ускользнуть, пока все заняты обстрелом и выживанием. Из тюрьмы существовало только два выхода, и оба находились в северном крыле. Первый представлял собой длинный путь, отгороженный смотровыми вышками со снайперами. Он использовался исключительно для заключённых. Второй, находясь поодаль, наоборот, впускал и выпускал гостей и рабочий персонал. Опережая события, Лауд представил, что когда преступный сброд, несмотря на перекрёстный снайперский огонь, будет прорываться, хватаясь за призрачный шанс, то настоящий стратег предпочтёт воспользоваться главной дверью, не привлекая к себе шума.

Каждая минута прибавляла по седому волосу на голове Лауда. Он не участвовал в обороне, не командовал отрядами напрямую. Вместо этого он взял двух охранников и, притаившись в конюшне, решил устроить засаду. Он рисковал своей должностью и репутацией, не имея даже представления, кого ждать. Но что-то внутри подсказывало ему остаться. Ожидание продлилось больше часа, прежде чем послышались шаги. Грэг подал сигнал солдатам и сам занял удобную позицию для выстрела. Дверь не спешила открываться. От напряжения Лауду свело челюсть. Он не мог ждать более и решил подобраться чуть поближе, но стоило ему сделать шаг, как сбоку от него затрещала стена, и через неё кубарем проломилась братья Голл, навалившись всем телом на Лауда.

– А вот и мы! – крикнули беглецы, прижимая начальника к полу.

Охранники попытались подобраться ближе, но выстрелы снесли сначала одного, а секундой позже прикончили и второго. Лауд проклинал себя, что попался. Тяжело дыша, ему было не пошевелиться под весом мясистых братьев.

Ким с недоумением отошел в сторонку с Чаудом и Хорьком. Жаба побежал отвязывать лошадей.

– Проклятье, это Лауд! Вот же чутье у человека! Даже не верится, что он понял, где нас поджидать. – Ким раздумывал над дальнейшей судьбой начальника тюрьмы, поглядывая то на Хорька, то на Чауда.

– Только скажи, и я разберусь, – с типичной прохладой в голосе сказал Чауд.

– А он точно не понадобится нам живым в будущем? – взволнованно спросил Хорёк.

– Может быть, – Ким был не в восторге от выходки Грэга, – а может, и нет. Чёрт его пойми! Мы рассчитывали, что он заполнит пробелы в деле, и на него ляжет вся ответственность, но теперь, кажется, придётся слегка пересмотреть план.

Понимая, что он окружен со всех сторон, Грэг совершенно потерял терпение.

– Эй, девочки, хватит шептаться! – он не видел, к кому обращается, крича наобум.

Ким злобно посмотрел на беспомощно лежащее тело. Не желая более задерживаться в тюрьме, он подошел к Лауду и потянул его за волосы, чтобы взглянуть тому в лицо.

– Ну, теперь хоть что-то становится ясно. Твоих мозгов вполне хватило бы, чтобы осуществить подобный план. – Грэг усмехнулся, сплевывая кровь.

– Ты настоящая ищейка, Лауд. Обо всем догадался. Только вот не подумал, что нас будет столько. Взял с собой всего пару человек, как опрометчиво и глупо с твоей стороны.

Братья Голл начали связывать его. Показались Чауд и Хорёк. Жаба привёл коней.

– Ну вот, кажется вся шайка в сборе. Не хватает только Джонсона! – Грэг вёл себя дерзко, поглядывая в сторону Кима. Тот ухмыльнулся.

– Зачем оставляете меня в живых?

– Ты уже знаешь. К тебе будет больше всего вопросов после всего случившегося бардака. И как бы тебе ни хотелось нас поймать, тебе будет абсолютно не до этого, как и остальным. Подумаешь, исчезновение пары заключённых не идут в сравнение с горой трупов. В том числе и твоих подчинённых. Тебя обвинят в халатности и припишут ещё много чего сверху. Пока ты будешь разгребать дела и страдать, мы успеем скрыться. А вот если тебя убить, то всё может пойти наперекосяк, а нам такого не нужно. – Ким нагло врал, сочиняя на ходу с мерзкой улыбкой на лице.

Грэг не ответил. Он сжал челюсти. Гнев раздирал его, но он ничего не мог сделать.

Беглецы забрались на лошадей. Хорёк открыл оставшиеся стойла, после поджёг помещение. Кони в панике бросились к дверям. Огонь начал быстро распространяться. Едкий дым душил Лауда. Братья Голл, Хорёк, Жаба и Ким рассмеялись и, пришпорив лошадей, поскакали к выходу. Остался только Чауд. Он последний забрался на лошадь и собирался ехать, но вопрос Лауда остановил его на мгновение.

– Так что с Джонсоном?! – Грэг кашлял, ему не хватало кислорода.

– Мёртв. – Чауд ударил пятками по лошадиным бокам, и животное рвануло с места в простор ночных прерий.

Грэг начал терять сознание. Ползком пробираясь к безопасному от огня месту, он продолжал бороться. Силы оставляли его, и смертельный сон прижимал опиумным забвением. Последнее, что он запомнил, как усмехнулся собственной мысли: ведь, по крайней мере, удастся избежать всей бумажной волокиты, которая последует на следующий день. После он потерял сознание.

Следующее, что услышал начальник Лауд, были разговоры на незнакомом ему языке. Кто-то нес его, перекинув через плечо, словно он был весом с ребенка. Очутившись на улице, некто осторожно опустил Грэга, продолжая диалог.

– Керук, сможешь найти нам пару лошадей, а я пока освобожу его. А то он совсем плох.

Два силуэта возвышались над Грэгом. Один ушёл, второй наклонился и принялся развязывать веревки.

– Карл... не ожидал.

– Расслабься, малыш Грэг. До тюрьмы я был довольно приятным человеком. – Карл улыбнулся.

Лауд был слишком измотан и принял помощь без сопротивлений. Карл ослабил узлы, и дышать стало легче. Конюшня ярко полыхала, клубясь сизым дымом.

– Так ты тоже причастен к этому? – Грэг закашлялся, он ещё не отошёл от удушья.

Как раз в этот момент подошёл Красный Бу и привёл двух коней. Животные послушно следовали за ним.

– Нет, Грэг. Они уже сбежали. Я лишь воспользовался случаем.

Карл и Бу сели на лошадей. Они собирались уже исчезнуть, но неожиданно Лауд вытащил небольшой пистолет, припрятанный в сапоге.

– Стоять. Я буду стрелять! И вы знаете, что попаду!

Карл хотел что-то сказать, но его прервал глухой удар. Лауд вновь повалился без сознания. Позади него стоял Томми с обломком доски в руках.

– Вовремя, парень! Откуда ты здесь? – Карл с улыбкой посмотрел на Тома.

– Доверился инстинктам. – Томми выглядел истощенным, но взгляд оставался тверд.

– И не ошибся! – Карл протянул ему руку. – Садись, пора нам покинуть это место.

– С радостью, сэр! – Том ловко забрался на лошадь, и они наконец-то оставили тюремные стены позади себя.

Утро лишь начиналось, и солнечные лучи только показались на лиловой синеве неба.

Лауд с выжившими охранниками совершали обход.

– Докладывай. – Грэг, погруженный в свои мысли, даже не посмотрел в сторону часового.

– Со стороны охраны потери составляют более пятидесяти человек. Со стороны заключённых более двухсот тел. К вечеру будет подробный отчет. Во время штурма бунтовщики разделились. Всё выполнялось по вашим инструкциям, сэр. Как только они приблизились к оружейному складу, мы открыли огонь. Оставшаяся небольшая группа была обезврежена снайперами на выходе. Никому не удалось покинуть тюрьму, сэр.

– К сожалению, удалось. Кстати, что насчёт Джонсона? Нашли его?

– Камера в карцере пуста. Никаких следов. Также в карцере найдены тела наших людей.

Лауд сжал кулаки и зашептал себе под нос. Охранник озабоченно посмотрел в его сторону.

– Вы что-то сказали, сэр?

Грэг бросил на него пронзительный взгляд.

– Я сказал, что у нас завелась крыса! И она всё ещё где-то поблизости.

– Предатель?! Сэр, о ком вы?

Лауд не ответил. Его обвели вокруг пальца. Он был унижен и раздавлен. Но стальная воля не позволяла сдаться и опустить руки. Начиналась новая игра, в которой его хотят сделать жертвой. Но он всегда был охотником и теперь расставлял свои сети – ни одному зверю не скрыться. Оставалось только запастись терпением.

Глава 5

Сид очнулся в кромешной темноте. Ему повезло приземлиться на нечто мягкое, отделавшись легким ударом спины и затылка. Над головой зияла яма. Странно было наблюдать её изнутри.

Сид выдохнул, поняв, куда он угодил при падении. Глаза привыкли к потемкам, и ему открылось жуткое зрелище. Внутри ямы простирался глубокий грот. Мертвецов сбрасывали сюда годами, и теперь он стал их братской могилой. Сид оказался в огромном гробу с грубыми каменными стенами. Голова всё ещё кружилась после удара, и, пытаясь встать, он оступился. Спотыкаясь, Сид скатился с горы человеческих тел. Под ногами появилось устойчивое дно. Поднявшись, ещё раз осмотрелся вокруг. Пока он находился в карцере, ему казалось, что темнее места быть не может, но теперь сквозь дыру на потолке пробивался кусочек света. Подземная пещера была необъятна, и этот участок оставался единственным освещённым местом. Выбраться наружу не представлялось возможным. Пришлось Сиду спускаться ниже, опираясь на гигантские сталагмиты. Несколько тел при падении угодили на острые каменные шипы и теперь свешивались с них с изуродованными гримасами. Как можно скорее Сид хотел покинуть это место. Сознание прояснялось. Всё это время отвратительная вонь сдавливала виски и кружила голову. Ступать приходилось осторожно. Камни под ногами резали, словно битое стекло. Дышать становилось легче, но исчезли все ориентиры, и пробираться приходилось на ощупь. Мрак обступил со всех сторон. Вытянув руку вперёд, Сид с каждым шагом глубже погружался в пустоту. Ему пришла мысль, что, возможно, он всё-таки умер, и началось его путешествие по загробному миру, но тупая боль в плече и многочисленные ушибы напоминали и возвращали к реальности.

Он шел, не имея ни малейшего представления, что ожидать от следующего шага. Во рту всё пересохло, и слабость одолевала его. Просто идти вперёд и не останавливаться. Позади остаётся год изоляции, боли и жестокости. Впереди неизвестность. Но главное – что мир вновь стал меняться. Шаг, ещё шаг. Мрачную тишину нарушало тяжелое дыхание. Он начал вспоминать, от чего уходит и к чему должен вернуться. Его ждали дела. Он не может умереть здесь. Смерть ожидает его там, где они договорились однажды встретиться вновь. Такую сделку не в силах разорвать даже судьба. В движениях появилась уверенность, и шаги ускорились. Да, он выберется отсюда, как и прежде выбирался из любого пекла. Главное – продолжать двигаться.

Сид не знал, сколько времени он шел. Час, день или всю неделю? Темнота не отступала, и всё это было похоже на затянувшийся кошмар, но вот где-то вдалеке послышался шум воды. К этому времени он был настолько истощен, что только глоток из источника способен был вернуть его в норму. Перестав соблюдать осторожность, Сид поспешил на звук. Он уже представлял, что вдоволь напьется, как почва ушла из-под ног, и он полетел вниз. Секунды падения показались вечностью.

«Всё глубже и глубже. Туда, где меня никогда не найдут».

Сид падал, но чувствовал, что парит. Он не видел над собой потолка, а пропасть казалась бездонной. Страх не было, в этот момент он ощутил спокойствие, чувство свободы заполнило его. Сид закрыл глаза, и легкая улыбка появилась на его лице. Послышался хлопок, и гулким эхом раздался всплеск воды.

Ледяная вода мгновенно взбодрила его. Он отбил спину и ноги, но не придал этому значения. Работая руками, он вынырнул, стараясь найти, за что бы ухватиться, но вокруг него простиралась лишь водная гладь. Ноги начало сводить судорогой, поэтому ему пришлось плыть активней. Течение подталкивало его. Напор увеличивался и, завершив свой короткий заплыв, Сид лег на спину, позволив потоку нести его. Отдышавшись, он пришёл к выводу, что попал в устье подземной реки, и постепенно его относил всё дальше по узкому каналу. Уровень воды

поднимался, и потолок над ним стал приближаться. Пришёл момент, когда река подступила вплотную, оставляя лишь узкое пространство для последнего вдоха.

Понимая, что нужно выбираться наружу, Сид начал озираться по сторонам в поисках дневного света. Каменная плита над головой не давала шансов на просвет, зато под собой, в воде, Сид приметил какое-то сияние. Собравшись с остатками сил, Сид нырнул. Каждый рывок давался с болью, но он продолжал погружаться. В этот момент он как никогда боролся за свою жизнь, отчаянно стараясь добраться до источника свечения. Доплыв, он обнаружил подводную шахту. Кислорода катастрофически не хватало. Изнутри пещера действительно играла проблесками света. Проплыв сквозь неё, он оказался на дне озера, усеянного булыжниками и какими-то обломками. Подняв голову, Сид увидел солнечные полосы, врезавшиеся в водную поверхность. Из последних сил начал всплывать, но, уже давно достигнув своего предела, терял сознание. Пузырьки воздуха поднимались вверх, как крошечные воздушные шары. Сид видел перед собой долгожданный свет воли, но опускался всё ниже ко дну. Вытянув руку, он старался ухватиться за призрачную надежду.

«У меня не вышло, брат...» – это была последняя мысль Сиды перед тем, как он окончательно впал в беспамятство.

В следующий момент он почувствовал толчок в спину, и нечто, зацепив его за пояс, понесло к поверхности.

«Глупые рыбы, куда они меня тащат?..»

Сид осознал, что всплывает. Мир становился ярче. И, совершив рывок, он вынырнул. Глубокий вздох за долгое время вернул его к жизни. Оглядевшись, он увидел возле себя сундук. Тот мирно плавал рядом, и именно он, ухватив Сиду за пояс, вытащил того на поверхность. Они вынырнули посреди небольшого пруда. Ничего не понимая, Сид оперся на своего спасителя и поплыл к берегу. Добравшись до суши, он упал без сил. Какое-то время он лежал с закрытыми глазами, стараясь отдышаться. Жар солнца согревал его окоченевшее тело. Открыв глаза, Сид увидел веснушчатое лицо мальчишки, с интересом его разглядывавшего.

– Мистер, вы охотник за сокровищами? Мы с сестрой видели, как вы достали сундук со дна.

Сид привстал и недоуменно уставился на неожиданного гостя. На вид мальчику было лет десять. Босоногий, с рыжей копной волос. Он дружелюбно улыбался Сиду. Широкая щель между передних зубов идеально вписывалась в разгильдяйский образ мальчугана. Одет он был просто – широкие штаны да перепачканная рубаша. Сид огляделся. Пруд с одной стороны был окружен скалой, возле берега росли тополя и сочная зелёная трава. Он заметил, что за стволом дерева прячется девочка лет пяти. Белокурые волосы торчали в разные стороны. Серое потертое платье было перепачкано, как и у брата. Он снова взглянул на мальчику и устало улыбнулся.

– Да, ты прав. Тяжело же было достать его.

– Вы настоящий герой, мистер! За этим сундуком немало кто нырял, да никому не удалось достать его! Отец рассказывал, что один торговец, не справившись с лошадьми, опрокинул с обрыва целую повозку с грузом. Почти весь товар остался на дне. Ну вы даете!

Сид рассмеялся, но сухой кашель помешал ему.

Послышался писклявый голос девчушки, всё так же выглядывающей из-за дерева.

– Отойди от него, Стив! А вдруг он бандит!

– Замолчи, Нина! Он искатель сокровищ, а не бандит! – мальчуган, прикрикнув на сестру, снова обратился к Сиду: – Вы же не бандит, мистер?

Наконец-то откашлявшись, он смог ответить:

– Можешь не бояться, я не бандит.

– Я же говорил! Нина, иди сюда! – Стив позвал сестру. Та, немного помедлив, подбежала к брату и, встав за его спиной, с интересом начала разглядывать Сиду.

– Чего вы ждёте, мистер?! – мальчик выглядел взволнованным.

– А что я должен сделать?

– Ну как же! Вы же достали сундук, откройте его!

Сид снова улыбнулся. Он вытащил сундук из воды и осмотрел его. Потемневшие от воды доски, с пятнами ила, на удивление легкий. Ржавый замок крепко сдерживал его пасть. Сид взял камень и пару раз ударил по нему. Замок отвалился. Дети с обеих сторон обступили Сиду. Открывая, они все заглянули в него. Внутри сундук оказался абсолютно сухим, даже лакированная поверхность выглядела свежей. На самом его дне лежала фетровая ковбойская шляпа.

– Всего лишь шляпа... – сказал Стив разочарованно и, отвернувшись от сундука, сплюнул.

Сид достал шляпу и примерил её.

– Отличная шляпа, в самый раз! – он посмотрел на Нину и подмигнул ей. Девочка смущённо улыбнулась и опустила глаза.

– Сколько же этот сундук пролежал на дне? – Сид понимал, что только случай помог ему выжить. Видимо, он как-то задел застрявший среди ила и камней ящик, и тот начал всплывать, прихватив Сиду за компанию. Он не мог поверить собственной удаче.

– Лет пятьдесят! – сказал Стив, всё так же не скрывая своего разочарования.

– Неправда! Папа говорил, что повозка опрокинулась, когда они с мамой только переехали сюда! – Нина вмешалась в разговор.

– Ты не можешь помнить, что говорил отец, ты была ещё слишком маленькой!

– Мама рассказывала об этом. А ей говорил папа, – девочка смутилась и снова опустила глаза.

– Пятьдесят или пять – какая разница!? Дурацкая шляпа не поможет нам! – мальчик гневно сжимал кулачки и не смотрел в сторону сестры.

Сид посмотрел на детей. Исхудавшие лица, поношенная одежда. Большая нужда окружала их.

– Не злись, Стив. Эта шляпа спасла мне жизнь.

Мальчик повернулся к Сиду. На его глаза наворачивались слезы, но он мужественно сдерживал их.

– Где ваши родители?

Стив провёл ладонью по глазам, окончательно стерев предательскую влагу, скопившуюся в уголках.

– Мама дома, а папа давно умер, – на этот раз девочка ответила первой. Брат сурово посмотрел на неё.

– Нина! – затем он вновь перевёл взгляд на Сиду. – Какое вам дело, мистер? Вы нашли свою счастливую шляпу и теперь можете отправляться на поиски новых сокровищ. Пошли, Нина!

Взяв сестру за руку, мальчик поспешил как можно быстрее уйти. Девочка, спотыкаясь и не успевая за братом, постоянно оглядывалась на Сиду.

– У меня есть кое-какие сокровища для вас!

Стив обернулся. Шепнув что-то сестре на ухо, он ставил её стоять в стороне, а сам подошел к Сиду.

– Мистер, у вас ничего нет, кроме этой шляпы. И вы бандит! На вас же тюремная роба. Вы думаете, что я настолько глуп? Если бы в сундуке что-нибудь было, я бы просто украл это у вас. Но там не было ничего ценного, поэтому, если вы задумали обидеть мою сестренку, то подумайте дважды. Совсем рядом находятся наши друзья, и они мигом примчатся нам на выручку.

Воинственный мальчуган сурово глядел на Сиду.

– Да, в чём-то ты прав, – Сид присел на одно колено, чтобы быть на одном уровне со Стивом. – Я только что сбежал из самой ужасной тюрьмы в мире. Но я никогда бы не причинил

вам вреда. Мир – чертовски сложная штука, Стив. А ты умен не по годам. И делаешь всё абсолютно правильно! Я в твои годы был слишком наивен и поплатился за это сполна. Но, Стив, знай, в этом мире, среди всей тьмы, что окружает нас, всегда найдется источник света, что никогда не погаснет. Просто найди в себе силы разглядеть его.

После сказанного Сид отвернулся. Послышался скрип зубов и рвущейся плоти. Сид вытащил нечто из своего рта. Промыв это водой, он протянул мальчику золотой зуб.

– Думал припасти его для себя. Купить на него после побега одежду да снаряжение. Но он вам нужнее, ребята. Используй его с умом, Стив! Не верь ростовщикам, а неси с матерью прямо к ювелирам. Золото высшей пробы!

Сид сплюнул сгусток крови и вложил зуб Стиву в ладонь. Улыбнувшись, он встал и, помахав на прощанье шляпой, пошёл в противоположную от детей сторону. Поражённый мальчишка стоял с зажатым кусочком золота.

– Мистер! – послышался возбуждённый голос Стива. – Как вас зовут?

Сид обернулся.

– Меня зовут Сид.

– Мистер Сид, вы правда хороший человек?

Сид улыбнулся.

– А это решать тебе, Стив!

Мальчик молчал с несколько секунд. Затем посмотрев Сиду в глаза, спросил:

– Могу ли и я вам чем-нибудь помочь?

На секунду тот задумался.

– Если честно, то можешь! Не подскажешь, где я вообще нахожусь?

– Территория Аризоны, сэр.

– Аризона?! – Сид огляделся вокруг. – Повезло так повезло! Лучше места не могло бы и быть! Стив, не подскажешь, в какой стороне «Город кактусов»?..

Луи был пятнадцатым ребенком в семье. Его семья мормонов перебралась в Аризону сразу после войны. Их ферма располагалась недалеко от маленького городка, но прогресс ещё не добрался до этих краев. Дикие степи вокруг прекрасно подходили для разведения лошадей. Луи меланхолично наблюдал за бегом коней, пожевывая соломинку.

Его многочисленные братья и сестры были похожи друг на друга. Темноволосые, кареглазые, с широкими носами и плотным телосложением. Когда родился Луи, отец сплюнул при его виде, проворчав: «ребенок сатаны». Светлые волосы отливали медью, а зелёные глаза с интересом глядели на окружающий мир. Его невероятных размеров мамаша никогда не сдерживалась в крепких выражениях и была способна заткнуть кузнеца в споре. Но в этот раз она лишь загадочно и скромно отвела глаза в сторону, когда муж вопросительно посмотрел на неё. В его взгляде не было гнева и досады, скорее удивление. Ещё никто, кроме него самого, не осмелился заигрывать с большой Молли. Так про себя называли мать Луи её земляки. Отец Луи ласково звал её «моя Муму». Хотя и он в душе её побаивался, но одновременно и гордился своей дамой. Далеко не каждая жена была способна поднять коня на своих плечах. В молодости Молли часто проделывала подобное, помогая отцу-ветеринару в переноске больных животных. Именно тогда она поразила сердце Стэна Самсона, отца Луи. В день рождения мальчика он вновь был поражен, но не стал ничего спрашивать. Ребенок рос веселым и добродушным, но оказался страшным непоседой. Доставалось ему больше всех, но и проказы он устраивал выше любых ожиданий.

В четыре года он случайно поджег бороду своему деду. Молли сразу же схватила ведро и выплеснула воду пострадавшему на лицо. Правда, никто не заметил, как тем же утром в порыве детской забавы Луи натащил камней с улицы, заполнив так половину ведра. Вместе с бородой дед лишился пары зубов.

В семь лет Луи с друзьями дразнили коров. В то время его семья занималась крупнорогатым скотом. Мальчишки кидали камешки в животных, при этом стараясь попасть быку в здоровенные шары между ног. Луи угодил прямо в цель. Разъяренный самец проломил забор и поскакал в необъятные степи. Всё стадо устремилось за ним. В те дни в окрестностях как раз случился падеж скота, и за короткие семь дней погибло большинство соседских коров. Семью Самсон эта беда миновала. Недели заняли поиски сбежавших животных, но рогатые вернулись обратно в загон. Отец по возвращении похлопал Луи по плечу, сквозь зубы сказав: «Удачливый чертёнок». За розги, которые мальчик получал неделю, никто так и не извинился.

Как-то раз он насобирал диких ягод и угостил ими местного школьного учителя. Тот радостно принял дар и отведал угощение. Спустя час учителя видели бегущего голым по улице и кричащего что-то о преследующих его огромных ящерицах и двуглавых собаках. Ягоды оказались галлюциногенными, и Луи вновь досталось.

В десять лет Луи с соседской девочкой отправились на поиски золота, никого при этом не предупредив. Их искали два дня. К вечеру третьего дня кочующие поблизости индейцы привели детей. Довольные детские мордашки были сплошь украшены яркими узорами, которые не удавалось отмыть ещё долгое время.

К двенадцати годам Луи мастерски владел рогаткой, попадая в цель с пятидесяти шагов. Метал лассо как профессионал, а в седле держался не хуже взрослого наездника. Крайне сложно было сладить с этим маленьким стихийным бедствием, учитывая, что Луи никогда не пакостил специально. Приключения просто сами находили его, не давая скучать ни ему самому, ни всем вокруг. Он был магнитом для всех невообразимых случайностей и неожиданностей. Мать часто ругала его, хотя в глубине души Луи был её любимчиком.

Теперь в послеобеденные часы Луи нравилось побыть в теньке самодельного тента, не спеша покачиваясь в гамаке. В такую жару никто не работал. Находиться в окружении своего семейства Луи не желал, поэтому он брал на себя обязанности по присмотру за табуном. Треск цикад убаюкивал, как сладкая колыбельная. Блаженный пейзаж с безоблачным небом, мирно пасущиеся лошади в загоне и плотный обед делали свое дело, и Луи задремал. Ему снились былые дни, когда в семнадцать лет он уехал из дому, покорять просторы Техаса. С тех пор немало воды утекло. Сон был сумбур из пережитого: веселые посиделки у костра, опасные перестрелки, душные кабаки, полные красных от пьянства лиц, множество встреч, и особенно одна, которая изменила его остальную жизнь...

Луи резко проснулся, посторонний звук разбудил его. Солнечный свет слепил глаза, и он с трудом вглядывался в окружающий мир.

– Луи, дьявольское отродье, ты что, уснул?!

Луи поглядел в сторону и увидел силуэт в десятке шагов от себя. Большое чёрное пятно стремительно приближалось.

– Что ты, мамуль! Обед был столь восхитительным, что я до сих пор в сладком наслаждении.

Молли сурово поглядела на сына, но в уголке её губ появилось нечто похожее на улыбку.

– Вот, – она поставила кувшин, – принесла тебе попить.

Луи улыбнулся и налил себе полную чашу прохладного напитка.

– Слушай, а где моя любимица Серебряное Яблочко? Что-то я её не найду в табуне.

Луи жадно пил, на секунду оторвавшись, он оглядел загон и указал пальцем на дальнюю часть забора.

– Там она.

– Где? Не вижу!

– Между Стрелой и Гэтсби. Теперь видишь?

– Теперь вижу. Ты давай не спи, у соседей уже трех лошадей увели. Они на твоей совести, без зубов останешься, если недосчитаемся! – мать сложила руки на своей огромной груди.

Луи допил, посмотрел на грозную женщину и, добродушно пожав плечами, обнял её.
– Так точно, мам.

Никто не верил, что эти двое – кровные родственники, тем более мать с сыном. Стройный, светловолосый красавчик Луи и могучая, мужеподобная Молли. Только муж и сын могли сладить с её взрывным характером. Но если Стэна Молли уважала за ещё более широкие плечи и выдающийся подбородок, чем у неё самой, то рядом с Луи она таяла, как девчонка на первом свидании. Луи знал это, но он любил свою мать и поэтому особо не злоупотреблял этой её слабостью.

– Не беспокойся, всё под контролем!

Молли посмотрела на него – сын напоминал ей о безвозвратно ушедшей молодости и волшебстве ночи, когда мерцание звёзд казалось таким загадочным и прекрасным. Она отвернулась, пальцем стерев слезинку в уголке глаз.

– Ужин в семь! Не опаздывай.

Луи с улыбкой глядел ей вслед. Как только Молли скрылась за углом амбара, он резко подскочил к своему тенту, схватил винтовку и побежал к загону.

«Быть не может! Только не это! – Он вскочил на забор и снова пересчитал лошадей. – Восемнадцать, девятнадцать... всё! Проклятье!» – Он обежал загон вокруг и вновь начал пересчитывать. Результат оказался тем же. Двух лошадей не было на месте. Если бы вместо матери пришёл отец или кто-то из его братьев, они бы сразу заметили пропажу, благо для матери существовала только одна лошадь. Серая с белыми пятнами. Другими она никогда не интересовалась.

Луи начал искать следы воров. Действовали быстро и невероятно умело. Лошади словно сами шли за похитителями. К тому же они успели неплохо замести отпечатки копыт и шагов. Но Луи мог идти по следу даже ночью, он знал эти места лучше кого-либо. Оседлав коня, он отправился в погоню.

«Они не могли уйти далеко. Жара в самом разгаре, кони быстро вымотаются. Скорее всего, они где-нибудь у ущелья. Это единственное место, где можно переждать и укрыться от пекла...»

Луи осмотрел следы на земле, те были совсем свежие. Он настигал их. Ружье было готово, и он перевёл лошадь в галоп. Среди равнин иногда попадались небольшие каменные наросты. В этих местах прорастала некоторая растительность и порой даже били родники. Следы привели к ближайшему оазису.

«Идиоты. Решили устроить мне засаду? Могли бы забрести и подальше».

Луи слез с лошади. Оставив её неподалеку от каменного склона, сам тихо начал пробираться вглубь ущелья. Он знал каждую тропу. Незаметно скользнул из тени и спрятался за огромным валуном. Тут у него открывался прекрасный обзор. Возле маленького пруда раскинула свои ветви старая ива. Лошади мирно стояли и пили воду. На берегу некто, присвистывая, стирал свою одежду.

«Всего один? На засаду не похоже. У этого бродяги даже оружия нет. Весь в каких-то лохмотьях. Ну что за ничтожество! Хотя лошадок он стащил ловко, за что и поплатиться!» – Луи бесшумно подкрался к незнакомцу, наставив на него ружье.

– Тебе крышка, приятель. Ты украл не тех коней!

Вор поднял руки и не спеша встал.

– Наконец-то! Ты спал как убитый, и мне не составило бы труда увести всё стадо! Решил, что не стоит так тебя шокировать.

– У тебя слишком длинный язык для покойника! Повернись, не люблю стрелять в спину. Повернувшись, воришка улыбнулся.

– Рад встрече, Луи! Давно не виделись.

Луи опустил ружье, не веря своим глазам. Перед ним стоял Сид. Секунду он стоял ошарашенный, но потом накинулся на старого друга с объятиями.

– Ах ты, мешок гнилого навоза! Как?! Нет, откуда ты здесь?! Где тебя носило почти два года?

Сид рассмеялся.

– Где меня только не носило. Но давай я расскажу тебе об этом позже, сейчас я чертовски устал. Твоя матушка ещё готовит рагу из ежей? Я бы не отказался от порции горячего.

Глава 6

- Сид, может, тебе добавки?
- С радостью, миссис Самсон!

Во время трапезы в семье Самсон было не принято разговаривать. Мощные челюсти жевали, не затрудняя себя бессмысленной болтовней. Изредка слышались фразы о добавке или просьбы передать что-либо с другого конца стола. Некоторые члены семейства посматривали в сторону Сиды, занявшего место рядом с Луи. Приведя домой друга, Луи дал ему набор чистой одежды и пошёл рассказывать родителям о своей находке. Молли обрадовалась гостю, Стэн молча нахмурился. Сид нравился им обоим, они познакомились с ним ещё два года назад, когда Луи вернулся домой после пятилетнего путешествия. Сид остался погостить на несколько дней и успел подружиться с большей частью родни. Молли нравился Сид в первую очередь за то, что он привёл её сына обратно домой. Когда выяснилось, что Сид обладает прекрасными манерами и добрым сердцем, Молли уже души не чаяла в нем. Стэн поначалу принял Сиду за лодыря и оборванца, но позже разглядел в нем трудолюбие и здравомыслие, что вызывало уважение.

Услышав, что Сид остановился погостить, Молли радостно поспешила на кухню. Стэн же с серьёзным лицом подошёл к сыну и спросил:

- Когда уезжаешь?

Луи пожал плечами:

- Скоро.

Отец похлопал сына по плечу:

- Выживи и на этот раз. И прошу, не расстраивай мать. Возвращайся поскорее!

Стэн вышел из комнаты и пошёл поприветствовать гостя. К этому времени Сид привёл себя в порядок. Побрившись, расчесав волосы и переодевшись в чистое бельё, он вышел навстречу мистеру Самсону. Оба радостно пожали друг другу руки и отправились ужинать. Молли и её дочери как раз закончили сервировать стол, и дымящиеся котелки один за другим появились на столе. После еды большая часть семейства переместилась в гостиную, остальные вернулись к хозяйственным делам.

Курносые двойняшки то и дело, переглядываясь, рассматривали Сиду. Это его немного смущало, так как каждая из девушек была вдвое больше и, без сомнения, мощнее его самого. Он лишь вежливо улыбался в ответ и отводил взгляд в сторону. Одни братья о чём-то спорили, другие тем временем вырезали по дереву или чинили обувь. Это был очередной тихий и скучный вечер в семье Самсон.

Луи остался помочь матери на кухне, и в его отсутствие Сид заскучал. Он поглядел на большие часы с маятником и задумался. Стэн заметил это и, отложив книгу, сказал:

- Пойдем, подышим воздухом, Сид.

Все братья посмотрели в сторону отца. Сид кивнул в ответ, и они с главой семейства вышли наружу. Отпрыски, с интересом проводив их взглядом, вернулись к своим занятиям.

Ночь только опускалась, и редкие звёзды зажигались на темнеющем небосводе, украшая его светящимся узором.

Стэн вдохнул аромат уходящего дня. Запахи диких цветов, полыни, сена перемешались между собой, а вечерняя свежесть приносила особую пьянящую изюминку.

- Сид, я хочу откровенно поговорить с тобой.
- Я слушаю, мистер Самсон.
- Можно просто Стэн.
- В чём же дело, Стэн?

– Я знаю, что ты появился не просто так, и тебе нужна помощь Луи. Он уже взрослый парень и сам решает, как распоряжаться своей жизнью. Но скажи, почему именно он?

– У меня случилась беда, и Луи единственный, кому я могу полностью довериться. Он мой друг.

– Друзья, значит... А ведь знаешь, Луи очень изменился. Когда он исчез семь лет назад, никто, кроме матери, не обратил особого внимания. Он часто пропадал на неделю-другую, ошиваясь по окрестностям. Молли места себе не находила. А потом и мы забеспокоились, когда прошел месяц. Узнавали у соседей, объезжали ближайшие деревни, но нам так и не удалось ничего выяснить. Его нигде не было. Прошел год. За ним ещё один. И еще. Я и Молли постарели за это время. Хоть этот чертёнок и доставлял кучу проблем, но с ним наша жизнь оживала. Нам безумно не хватало его. И, видимо, так уж устроен наш мир, что когда ты уже больше ничего не ждёшь и оставил надежды, происходит нечто невообразимое, и то, что казалось ушедшим навсегда, вновь возвращается к тебе. Спустя пять лет он вернулся. Вы вместе. Я уже тогда заметил, как он повзрослел и возмужал. Но со временем я увидел иные, куда более разительные перемены. В его движениях исчезла былая суета. Он теперь словно излучает спокойствие. Взгляд стал задумчивым. Луи всегда был легкомысленным и редко воспринимал что-либо всерьёз. Если честно, мы до сих пор нечасто общаемся с ним, но из тех бесед, что были у нас в последние годы, он проявил удивительную жизненную мудрость. Я не знаю, что приключилось во время его путешествия, но уверен, что повлиял на него именно ты, Сид.

– Приятно слышать, Стэн.

– Оставь любезности! – Стэн издал легкий смешок, а затем вновь продолжил с серьёзным лицом: – Это будет опасное путешествие?

– Крайне.

– Я так и думал. – Стэн вздохнул. Подумав о чём-то пару секунд, он указал на звёздное небо. – Видишь эти светящиеся точки на небе, Сид? Ты похож на одну из них. Каждую ночь мы видим их свет. Но нам совершенно неизвестно, что происходит с ними там, высоко. Они окружены мраком тайны. Так же, как и ты, Сид. Но Луи почему-то верит тебе и готов отправиться с тобой в ад. Мне неизвестно, что ты за человек, но я верю Луи. Вернитесь живыми, хорошо?

– Хорошо.

Они молча стояли в темноте. Настала ночь, и покрывало Млечного пути раскинулось над их головами.

– Вы рассуждаете как поэт, Стэн.

Мистер Самсон рассмеялся в голос.

– Я развожу лошадей! А вечерами люблю почитать хорошие книги. Где-то между этим и рождается любовь к высокой мысли.

– Вы очень переживаете за Луи?

– Конечно, он ведь мой сын! Ничего не могу с собой поделать.

Они безмятежно стояли на крыльце дома, наслаждаясь тишиной. Неожиданно в доме послышался звук бьющейся посуды и крики. Стэн обернулся к Сиду.

– Кажется, началось! – он вытащил мешок из тёмного угла веранды. – Я собрал вам тут самое необходимое. Держитесь – и постарайтесь хоть первое время не вляпаться в историю.

Он вручил мешок Сиду. Тем временем в двери показался Луи. Он вовремя успел захлопнуть за собой дверь, когда брошенная чашка разбилась с другой стороны.

– Отец, я просто пытался объяснить матери...

– Я возьму это на себя. Езжайте! Лошади уже оседланы и ждут вас в стойлах.

Луи и Сид переглянулись. Быстро пожав Стэну руку на прощание, они побежали в сторону амбара. Молли появилась секундой позже.

– Стэн! Он снова уезжает!

– Я знаю, Молли. – Он обнял жену за плечи. – Луи должен ехать, он нужен своему другу.

– Но если он опять исчезнет? Как тогда? Что будет?!

– Он вернётся.

Это были те редкие минуты, когда Стэн проявлял нежность к Молли. Он обнял её. Она уткнулась в его широкое плечо, изредка всхлипывая.

– Всё будет хорошо, Муму. Наш сын обязательно вернётся вновь.

Двое всадников показались во дворе перед домом. Помахав шляпами, они пришпорили коней и отправились навстречу приключениям.

– Сид, а собственно, куда мы едем? И ещё, ты никогда не рассказывал, что у тебя есть сестра! Она, наверное, красotka... ведь так? Когда мы её спасем, ты же меня представишь в лучшем виде? Не буду же я, как безмолвный герой, следовать за тобой навстречу опасностям, игнорируя спасенных красоток? А от кого спасать, кстати? Сид, не молчи!

Друзья выехали на освещённую первыми лучами рассвета долину. Они стояли на пригорке, перед ними открывался сказочный вид.

– Я не молчу, просто задумался.

– Одно и то же!

– Если честно, то это довольно длинная история.

– Валяй, повеселишь меня рассказами по дороге.

– Ладно. – Лошади не спеша продолжили движение. – Всё началось довольно давно. Ещё до моего рождения. Александр Джонсон – так звали отца. Я смутно помню родителей, всё это мне рассказал дед по материнской линии. С папиной стороны я вообще никого не знаю, поговаривали, что его отец эмигрировал сюда из Империи русских.

– Это там, где всегда холодно и полно медведей?

– Не знаю. У нас ведь тоже полно медведей. Я пересказываю тебе то, что когда-то рассказали мне. Так вот, отец был ученым. Геологом, если точнее.

– Это те, что в земле копаются?

– Что-то вроде того. До войны он входил в группу исследователей Запада. Они изучали рельеф и природные залежи регионов. Когда началась война, он воевал на стороне Севера, и поля сражений проходили далеко от мест его исследований. Но до того, как его призвали, поиски вывели его на крайне богатый минералами горный участок. Он успел сделать лишь несколько заметок, перед тем как экспедиция свернула деятельность. После войны он нашел свои записи, но к тому времени ажиотаж вокруг золотой лихорадки и несметных сокровищ поутих, и ему никак не удавалось вернуться к своим научным поискам. Осознав, что кроме него самого это никому не нужно, отец собрался в одиночку пройти весь путь и разобраться во всем. Друзья отговаривали его, утверждая, что он непременно погибнет или в лучшем случае вернётся ни с чем. Но он не слушал их и начал готовиться к экспедиции. И вот, когда сборы были практически завершены и до отправления оставались считанные дни, ему повстречался один человек. Оказалось, что в мире остался такой же безумец, верящий в призрачный шанс найти волшебный оазис, полный сокровищ. Обоим им не было ещё и тридцати, и посвятить год-другой погоне за мечтой не казалось таким уж безрассудством. Нового компаньона звали Густав, и, обладая кое-какими сбережениями, вместе им удалось собрать всё необходимое для дальней дороги. Никто не верил в их успех. Но они, воодушевленные верой друг в друга, не обращая внимания на злые языки, отправились в путь. Более полугода заняла дорога на запад. Сотни раз их жизни висели на волоске, но бок о бок, скрепив свою волю, они продолжали идти. Отец ни секунды не сомневался в успехе, Густав не сомневался в отце. Верные компаньоны прошли снежные поля, ветреные равнины, дикие лесные чащи, знойные степи и наконец-то добрались до места, отмеченного в отцовском дневнике...

– Сид, ты слышал?

Друзья остановили лошадей. Дорога привела их к узкому каньону. Стена бурых скал далеко уходила в стороны, и обход занял бы несколько часов.

– Кто-то играет на гитаре.

– Причем довольно складно. Поехали, посмотрим.

Друзья углубились в ущелье, следуя за музыкой. Тропа вывела их к живописной поляне. На камне сидел мужчина в шляпе. Ловко перебирая пальцами по струнам, он наигрывал знакомый мотив, но ни Луи, ни Сид не могли припомнить, где они могли слышать его раньше.

– Уважаемый! – Сид слез с лошади и подошел к музыканту. – Мы с другом немного устали в пути, спойте нам что-нибудь. Позвольте нашим умам отдохнуть, а сердцам помечтать о радостных днях будущего.

Мужчина усмехнулся речи Сиды, ударил по струнам и запел:

– Однажды мы увидим закат
За пустыней, новый путь будет, брат.
Коль дано пройти до конца,
Значит, сбудется наша мечта.
Ты пойми песни диких ветров,
Разбери тайну вечных песков.
Наши дни сочтены для Богов,
Наша цель – разорвать грань врагов.
Где цветы, что так радуют детство?
Где те дни, что так радуют детство?
Всё ушло, пустота на их месте.
Интересно, увидим рассвет за стеной?
Если нет и силы в пути нас оставят,
Души наших родных нас до места доставят.

Голос смолк. Мужчина поглядел на Сиды и Луи. Оба задумались. Луи с блаженным видом замечтался. Сид выглядел менее счастливым. Но секундой позже, тряхнув головой, он отбросил грусть и тоже улыбнулся.

– Спасибо вам. Мы продолжим наш путь. Ваша музыка будет сопровождать нас.

Приподняв шляпу, мужчина слегка опустил голову в знак прощания.

– Сэр, у вас талант! – Луи помахал рукой и не спеша последовал за лошадей Сиды.

Глядя им вслед, музыкант тихо произнес: «Удачи!»

Дорога в ущелье привела к бурной реке. На другом берегу возвышалась отвесная скала. Осторожно ведя лошадей по узкой тропинке, они двинулись по течению. Прогулка по краю затянулась на несколько часов. Ближе к устью появилась пышная растительность. На склонах росли ели. Дорога стала шире, и скоро они оказались у голубого озера. Выйдя из коридора скал, они увидели раскинувшуюся впереди широкую панораму. Озеро обступали холмы. Могучие сосны, словно стражи, охраняли этот заповедный край.

– Впереди ещё полдня дороги. – Сид огляделся по сторонам. Места были знакомы ему.

– Так, а куда мы идем? – Луи спустился к берегу, чтобы набрать воды во фляги.

– К моему деду.

– Ах, да, ты же не рассказал историю до конца. Что было после того, как твой отец и его друг достигли пункта на карте?

– А ты как думаешь? Они начали копать!

Продолжив движение сквозь древесные колонны, друзья оставили позади знойные равнины и оказались в густорастущем лесу. Неровный ландшафт то обрывался оврагом, то резко вырастал каменной пикой среди мха и кустарников.

– Я прежде не заходил в эти места. Разве это не дикие земли? – Луи, выросший на просторах Запада, с интересом изучал новую для себя местность.

– Я вырос недалеко отсюда. Расслабься! – Сид остановился у старой сосны. Провёл ладонью по грубому стволу, стараясь что-то нащупать. Убедившись в наличии зарубки, незаметно

скрытой в узоре коры, он повернул коня направо. Луи обратил на это внимание, но не стал спрашивать. Сид продолжал тянуть с историей, и Луи начал поторапливать его.

– Они что-нибудь откопали?

– Да, много всего. Но в основном это были просто камни. Они начали работы весной и не останавливались до конца лета. Осень также выдалась тёплой, но полгода труда принесли лишь золотую горсть вместо обещанных гор.

– Они поссорились?

– Конечно. Но продолжали копать до самой зимы. Они не разговаривали. Каждый уперто рыл, фильтровал и откладывал песчинку за песчинкой. Добыв себе немного средств на будущее, они не остановились. Им было этого мало. Не знаю, вела ли отца жажда богатства или желание доказать свою правоту. Однако в день, когда пошёл первый снег, их надежды оправдались, и они добрались до жилы. Зима помешала дальнейшим работам, и отец с Густавом отправились искать место зимовки. Недалеко находилась деревня индейцев. Договорившись с племенем, они остались зимовать там.

– А как они общались?

– Отец любил учиться. За проведенные месяцы он уже бегло разговаривал с местными и помогал Густаву с произношением. Как сошел снег, они продолжили поиски. И на этот раз им улыбнулась удача. Каждый новый день делал их богаче. Своими руками они откопали целое состояние. Полгода пролетело, и следующей осенью они собрались обратно. Часть найденного золота спрятали, надежно скрыв его в тайниках. И вот, спустя почти два года, Александр Джонсон и Густав Уайт вернулись в родной край победителями. Дела моментально пошли в гору. За несколько месяцев каждый добился всего того, о чём мечтал. О нажитом богатстве они никому не сказали, оставив друзьям версию, что за год в поту наскребли себе немного золотишка на будущее. Не перевелись же ещё золотоискатели, которым повезло заработать в разумных пределах и оставить это занятие. Отец сделал карьеру в научном обществе. В отличие от Густава, забившего сумки до отказа самородками, отец наполовину заполнил карманы редкими породами минералов, которые нашел во время раскопок. Чем вызвал бурную реакцию в аудиториях. Ученым умам открылись новые теории для исследований, и именно отцовские камни подтолкнули их к этому. И даже не спрашивай, Луи, что именно это значит. Я не знаю. Меня ещё не было, и эта история больше похожа на сказку, которую мне рассказывали в детстве. Но я ей верю и пересказываю, как услышал.

– А Густав что? – Луи не стал упрямо вдаваться в достоверность услышанного, веря другу на слово.

– Пошёл учиться. Стал юристом, вложил деньги в металлургию и железнодорожную промышленность. И постепенно выбился в общество. Но всё это было после. В первый год Густав спустил денег больше, чем планировал. Он предложил отцу вернуться за остатком. Отец не возражал, к тому же он и сам планировал новое путешествие. Но его интересовали не деньги, просто он обещал вернуться.

– Кому же?

– Моей маме. Жизнь в деревне не прошла незаметно – отец влюбился.

– Подожди, ты что, получаешь?..

Луи не успел договорить, они с Сидом выехали на пригорок. Внизу расположились глиняные и деревянные дома. Из труб круглых крыш шел дым. Некоторые здания прилегали к скалам, и вырубленные в камне коридоры соединялись между собой. Жители занимались своими делами, в каждом доме дышала жизнь. Луи резко обернулся к Сиду.

– Индейцы?! Мы в логове индейцев?! Они же кожу с нас сдерут!

– Ты преувеличиваешь. Так поступают не все индейцы. К тому же, я уверен, нам будут рады. Мой дед – вождь племени.

Луи не ответил. Его взгляд выражал удивление, страх, недоверие, восторг, но выражение лица оставалось каменным. К сумеркам они достигли главных ворот. Все вопросы Луи решил задать после ужина.

Глава 7

Внутри овальной юрты сохранялось тепло. По центру большой комнаты горел костёр, вокруг которого Луи и Сид сели вместе с остальными в кольцо. Оживленные разговоры на незнакомом языке казались Луи тарабарщиной. Слова словно напевались на абсолютно непривычном наречии. Сид обменивался короткими фразами с окружающими. Настроение царило дружелюбное, но Луи оставался напряжен. Его также удивило, что некоторые из индейцев не походили на своих братьев. Волосы у них поседели и сияли серебром, а глаза отливали лазурью. По телосложению они не уступали высоким и широкоплечим друзьям по племени. Одеты индейцы были в легкие кожаные безрукавки и штаны. У каждого на теле висели различные обереги, тела украшали цветные узоры. Кто-то нарисовал на лице Луи пару полосок, от этого рыжий ковбой стал ещё сильнее выделяться на общем фоне.

Сид чувствовал себя прекрасно. Годами ему не хватало подобной болтовни.

Неожиданно все умолкло. В дом зашел высокий мужчина. Его голову украшал головной убор с множеством пестрых перьев. Морщины коснулись его лица, но тело оставалось гибким и стройным. Он занял пустующее место. Правильные черты, прямой нос, светлый цвет глаз – Луи вновь заметил эту необычную особенность.

Вождь осмотрелся по кругу. Улыбаясь, он поприветствовал присутствующих. Взгляд его остановился на Сиде, затем перешёл к Луи. Не зная, что сказать пронзительному взору индейца, Луи кивнул в знак приветствия.

Вождь вопросительно склонил голову. Продолжая пристально наблюдать, он спросил:

– За сколько нынче свеклу в городах продают?

Озадаченный подобным вопросом, Луи пробубнил:

– Не знаю.

Старый индеец обратился к Сиду:

– Ну, как тебе моё произношение?

Сид улыбнулся:

– Смотрю, ты практиковался.

Только сейчас до Луи дошло, что он вновь услышал слова на знакомом ему языке.

– Времена непростые. Надо общаться. Приходится учить язык. – Индеец повернулся к Луи. – Я Хота. Вождь.

– Я Луи. Друг. – И кивнул головой в сторону Сиды.

– Мы рады друзьям.

– У меня есть вопросы, – обратился Сид к вождю.

– Я отвечу на них, но позже. Ты наконец-то вернулся домой, сегодня мы будем праздновать! – Хота громко перевёл свои слова остальным, и индейцы дружно поддержали предложение.

Сид посмотрел на Луи.

– Видимо, мы задержимся на пару дней. Дед любит погулять.

– Ещё как! – Вождь встал и открыл дверь наружу. – Луи, пойдем, я покажу тебе наше поселение. Сид, не отставай.

Луи последовал за индейцем. На секунду Сид остановил его:

– Если шаман будет приставать к тебе с зельями, не пей.

– А если выпью?

– Тогда постарайся не потеряться в лесу.

– А зачем мне идти в лес?

– Слушай, просто не пей. А вообще расслабься, будет весело!

– Сид?

– Что?

– Ты же мне потом расскажешь, почему твой дед – вождь племени?

– Конечно! Правда, не сегодня.

Сид рассмеялся и вышел наружу.

Деревня скрывалась среди скал. Ночь наступила, и мгла окутала небо. Вырубленные в камне окошки светились домашним уютом. У домов зажгли факелы. На лобном месте соби-
рались жители. Возле большого костра доносился смех, удары барабанов, оживленные разго-
воры. Жители обступили гостей. Броские цвета в одежде разбавляли сумрак, и Луи чувствовал
себя как в цирке. Не заметив, он и сам оказался одет в просторную и тёплую рубаху. Запястья
украшали разноцветные ленточки, а на голове вместо шляпы сидел яркий венок из древесных
прутьев и полевых цветов. Сид радостно обменивался рукопожатиями и обнимал старых дру-
зей. В ритмичном танце закружился хоровод вокруг огня. Языки пламени разрезали темноту,
разлетаясь тысячей искр.

В руки Луи попала чаша с жидкостью. С подозрением понюхав содержимое, он глотнул.
На вкус напиток оказался смесью из лесных ягод и мяты. Алкоголя в нем не было, но голова
пошла кругом от постоянной смены праздничных огней и новых колоритных лиц. Калейдоско-
пом засияла ночь. Музыка набирала обороты, и селение наполнилось песней. Минутами позже
Луи уже отплясывал с остальными, поднимая пыль с земли.

Вождь наблюдал за празднеством жизни, забывая улыбаться. Хмурый взгляд то и дело
останавливался на кострище. Красный блеск раскаленных углей отражался в его глазах. Сид
сел рядом. В руках он держал две чаши. Хотя взял одну, и они выпили. После недолгого мол-
чания Сид спросил:

– Почему ты её отпустил?

Не отрываясь от пламени, вождь устало вздохнул:

– Я и не отпускал. Но разве мнение старика учитывается?

– Расскажи мне с самого начала, почему она ушла?

– Вначале ты. Вижу, тебе известно больше.

– Она у врагов. Больше мне ничего не известно.

– А враг это?..

– Ты знаешь.

– Ясно... Она ушла где-то полгода назад. Я как мог пытался её остановить, не связывал
только. Твоя сестра всё равно сбежала от нас.

– Но зачем?!

Хотя повернулся к Сиду и посмотрел ему в глаза.

– Она ушла искать тебя.

Челюсти Сиды сжались, а веки расширились. Взгляд опустил в землю.

– Значит, это моя вина...

– Отчасти да, но не преувеличивай. Каждый сам ответствен за свой выбор. К тому же
она ведь стала настоящим следопытом, видел бы ты её в деле. Она загоняла охотников до слез,
зато деревня обеспечена запасами на полгода вперёд, её глаза подмечали все вокруг. Вот и
захотела выследить тебя, наверное.

Вождь улыбнулся воспоминаниям о внучке. Сид выглядел совершенно разбитым.

– Меня не было слишком долго.

– Достаточно долго. Как прошло твое путешествие?

– Неоднозначно. Я чуть не погиб в самом начале.

– Как же ты выкрутился?

– Воспользовался парой твоих советов.

– Неужели? А что потом?

– А потом всё закрутилось слишком быстро. События и обстановка менялись год за годом, а когда я собрался возвращаться домой, угодил в тюрьму. Там и провёл последний год.

– У вас был уговор.

– Я и подумать не мог, что она устроит нечто подобное! Почему никто не отправился вслед за ней?

– Мы пытались её найти, но безрезультатно. Она изменилась. Она выросла, стала сильной. Когда ты не вернулся в срок, она решила разыскать тебя. И однажды ночью исчезла.

– Меня посещал один человек в тюрьме. Он сказал, что она у его главара в заложницах.

– Он хочет, чтобы ты работал на него. Зачем?

– Уйди подонок. У него мания величия. Я узнал пару секретов, а после поджег его имение. Меня поймали через год и заперли под землей. Затеваются большая игра. Нужен человек, на которого они свалят всю вину после, когда они останутся ни при чем. Как я понял, придётся работать в команде. Добровольно на такое никто не пойдёт.

– И ты согласился играть по чужим правилам?

– Нет.

– Каков же твой план?

– Через неделю будет встреча. Там я услышу детали. Мне удалось оторваться от основной группы, все думают, что я мёртв.

– Сейчас преимущество на твоей стороне, но как только ты покажешься – попадешься на крючок.

– Поэтому я не еду туда один, мы справимся с Луи.

– Кстати, а куда это он идет?

– Кажется, в лес.

Сид и Хота переглянулись. Подумав об одном, они расхохотались.

– Я думаю, твой друг не был готов к встрече с шаманом.

– И всё же она, видимо, состоялась. Я пойду прослежу за ним. Продолжим завтра.

Сид встал. Вождь окликнул его напоследок.

– Каким таким моим советом ты воспользовался, когда чуть не погиб?

– Если честно, это был не совсем совет. Я вспомнил сказку, которую ты рассказывал нам в детстве.

– И что же ты сделал?

– Я поверил в неё.

Хота проводил взглядом Сиды, растворяющегося в лесном сумраке. Впервые за долгие годы в его сердце пришёл покой. Тревога за будущее сменилась радостью. Дети выросли и прокладывали свои тропы в этом огромном мире. И сегодня вечером он понял, что Сид на правильном пути.

Луи проснулся с первыми лучами солнца. Мох устилал землю под ним, словно мягкая перина. Он не спеша поднялся на ноги. Лес хранил молчание, лишь изредка сонные птицы щебетали о чём-то своем. Кроме деревьев вокруг никого не было. Это удивило и смутило Луи. Он совершенно не помнил, как здесь оказался.

Осмотрев себя, обнаружил множество ссадин на руках и ногах. В некоторых местах одежда порвалась, а карманы оказались набиты еловыми шишками и камнями.

– Какого чёрта... – Луи ворчал себе под нос, вытаскивая ненужный хлам.

– А ещё у тебя перья в волосах!

Луи обернулся. На сером валуне расположился Сид. Его безмятежное выражение лица заставило Луи улыбнуться.

– Твоя работа?

– Нет. И я тебя предупреждал.

– Ничего не помню.

– Вспомнишь, но позже. Пошли завтракать!

По утрам в деревне было оживленно. Занятий хватало каждому. Женщины крутились поблизости к своим домам, занимаясь стиркой, уборкой и кормлением кур. Мужчины приводили в порядок охотничьи и рыболовные принадлежности. Гончар мастерил посуду. Ткачи плели одеяла. Дети шумной оравой носились по деревне. И только шаман загадочно молчал, усевшись у костра. Когда Луи увидел его, тот приветливо кивнул ему головой и продолжил лицемерить быт соплеменников.

В доме вождя друзей ждали различные угощения. Початки кукурузы, орехи, вяленое мясо, лаваш и прохладный сладкий напиток с кислинкой.

Как следует перекусив, Сид перекинулся парой фраз с Хотой, а после отправился на прогулку в компании Луи.

Всё ещё оставаясь под впечатлением, Луи с интересом наблюдал за новым и неизвестным для себя миром. Поселение при свете дня оказалось больше, чем он предполагал. С каждым шагом он осознавал, что быт и культура местных отличалась от той жизни, к которой он привык, но разница стиралась при более близком знакомстве. Вот мать отчитывает напроказничавшего ребенка. А тут соседи что-то дружно обсуждают, временами хохоча между собой. Там влюбленный юноша томно глядит в сторону своей нежности. Девушка же в ответ лишь смеется и переглядывается с подружками, помогая им развешивать бельё. Старуха ворчит на своего хмурого старика, и вместе они несут огромную корзину. Эти люди выглядели по-другому, говорили на чужом языке, живя на лоне природы и соблюдая традиции и правила своего хода времени, но всё это оставалось лишь внешним различием. Общечеловеческие ценности, на которых вырос Луи и его семья, соблюдались и тут. Мифы о кровожадных и безумных дикарях развеялись. Война, затянувшаяся на столетия, обрела свой истинный смысл. Враг убивал врага, когда защищал то, что ему дорого. В многолетних боях за новые территории правда и ложь перемешались между собой, и два мира раскололись, так и не разобравшись в жизни другого. Ни Луи, ни его отец никогда не читали подобного в книгах, и до сего дня мир казался ему куда проще.

Выйдя за ворота, Сид и Луи поднялись на каменный холм, откуда открывался чудесный вид на поселение. Недалеко играла бликами бурная река, а изумрудный лес шумел под дыханием ветра.

– Странно всё это, – Луи присел на камень, с задумчивым видом глядя вдаль.

– О чём ты? – Сид сел рядом и, вытащив из кармана трубку, принялся набивать её.

– Да вообще. Ты со своими родственниками. Этот городок в ущелье скал. Люди, живущие тут. Я представлял себе всё иначе, когда думал о местных. Я общался с индейцами и раньше, но не знал, что их жизнь не так уж и отличается от нашей.

– Отличается, поверь мне. Но сходств больше, нежели предполагают городские жители.

– Я заметил, что твой дед и несколько человек не похожи на остальных. Это тоже странно.

– А, это... Первые люди, так нас называют.

– Первые люди?

– Миф. Говорят, что в древности материк был населен светлокожей и голубоглазой расой. То ли боги, то ли полубоги. Жили они вечно и только с приходом в наш мир времени стали чахнуть и постепенно вымирать, напоминая о себе редким человеком, чудом выжившим. После этого появились люди из земли, те, кого все привыкли называть краснокожими индейцами. Знания Первых послужили фундаментом для предков, вобрав в себя наследие сказок и легенд. Но существует ещё одна версия, более вменяемая. Лет двести назад группа из ста или более человек из Старого света, попав на материк, ушла вглубь лесов и долин. Со временем они побратались с индейцами и стали жить по их обычаям, забывая язык и бывшую родину с каждым новым поколением. Некоторые из них заключали браки с местными, некоторые нет. Нескольким семьям удалось дотянуть до наших дней, особо не изменившись

внешне. Я, мой дед, сестра и ещё пара-тройка родственников – всё, что осталось от Первых людей. Изредка встречаются светлокожие и голубоглазые коренные представители племени. Чему хочешь, тому и верь, всё равно род давно перемешался, и думаю, что скоро и вовсе не останется памяти об этом.

– Необычная легенда.

– Ну да, даже тут мало кто вспомнит, как всё началось.

– А твои родители? Что с ними случилось?

– Я думаю, что они погибли.

– В смысле – ты думаешь? Сколько лет тебе было?

– Четыре или пять. Я, кстати, не знаю, когда у меня день рождения.

– Как так?

– Наверное, легче продолжить, на чем остановился в прошлый раз, – лениво улыбнулся

Сид.

– Ну наконец-то! Дошло до тебя!

– Ладно, просто я впервые рассказываю это кому-либо.

– Польщен, но не становись занудой. Мне нужна информация и факты, а то голова кругом!

– Понимаю. Итак. Отец с Густавом вернулись в деревню. За время их отсутствия произошли некоторые события. Незведанные и далекие земли, где они останавливались год назад, перестали быть таковыми. Прогресс добрался и до этого края. Люди шли с побережья и всё чаще забредали на территории коренных жителей. Открытого конфликта ещё не случилось, но отец и Густав поняли, что близится беда. Ты, наверное, не обратил внимания, но это поселение в ущелье стало домом для множества разных племен.

– Я заметил кое-какие различия в одежде. Но если честно, то кроме твоего деда и пары человек в доме никого особо не отличаю.

– Тебя можно понять. Вот поначалу и бледнолицые пришельцы тоже приняли нескольких жителей племени, таких, как мой дед, за своих. Внешне-то они не отличались, обвешались тряпками цветными только. Ну, подумаешь, одичали немного в быту с индейцами. Поэтому переселенцы старались обходить деревню стороной. Но когда им стало известно, что те вообще не понимают речь цивилизованного человека, молятся неизвестным духам и живут посреди дикой природы...

– Их тоже посчитали дикарями? – закончил фразу Луи.

– Естественно. Ты знаешь, что это означает.

– Ничейная земля. Вот почему нападать стали не сразу?

– Да. Внешность нашего племени долго вводила многих в заблуждение. Этот маленький край оставался нетронутым по воле случая. Промежутком воспользовались Густав с отцом. Они решили спасти деревню, но, как оказалось позже, у каждого были свои мотивы на это.

– Александр влюбился, а Густава соблазнило золото? – предположил Луи.

– Так и есть.

– А твоя мать – получается, она была дочерью вождя? Союзы с чужаками допускались?

– Хотя не был тогда вождём. И, конечно же, поначалу вспыхнувшие между родителями чувства многие восприняли негативно. Но отцу удалось завоевать доверие и уважение окружающих. Он даже выучил местный диалект, а потом начал обучать жителей культуре колонизаторов. Напрасный труд. Отношения оставались непрочными, и природный баланс рушился. Вторжения на земли стали учащаться. Вражда постепенно росла. Поэтому единственным решением проблемы стало создание резервации.

– Не думаю, что это было так просто.

– Это заняло годы. Отец часто уезжал по делам. Разрываясь между двумя мирами, он старался провести между ними мост. То вывозил Хоту с мамой и других жителей показать

города и жизнь в них. Густав перемещался реже, его дела были сосредоточены в столице. Он проделал большую работу в юридическом плане, отец же предоставлял материалы исследований и доказательства в пользу создания внутри этнической зоны.

– Неужели им оказалось по плечу и это?

– Они обеспечили неприкосновенность лишь десятой доли той территории, которую старались спасти.

– Тоже неплохо! Дай догадаюсь! Места, где они нашли золото, получилось включить в резервацию?

– Ну да. Отец надеялся, что с золотом им удастся выкупить всё земли со временем и вернуть их племени. Густав же решил, что на этом его участие заканчивается. У друзей произошёл раскол. Они разделили пополам всё, что добыли, и их пути разошлись. Тем временем в соседних племенах поднялась волна недовольств, никто не желал уходить с земли предков. К сожалению, большинству пришлось уступить, когда пролилась первая невинная кровь. Остановить надвигающегося монстра цивилизации не хватало ни сил, ни ресурсов. Началась миграция населения. Наше племя направилось сюда, в горное поселение. Многие поступили так же.

– И твой отец?

– Нет. Он построил дом недалеко от резервации и забрал с собой меня и маму.

– А маму как звали?

– Найра.

– Красивое имя. И чем твой отец занялся, имея под боком гору золота?

– Папка не стал просиживать дни впустую, а занялся делом. Он всегда мечтал о своей маленькой кузнице и часто мастерил для себя и друзей милые безделушки и несложную домашнюю утварь. Просто так, из-за любви к творчеству. Я помню, что к нему даже стали приезжать из соседних деревень с заказами. Счастливое было время. Два года наша семья жила самой прекрасной и обычной жизнью, пока этому не пришёл конец. Отец всё ещё поддерживал связь с теми, кто остался жить в резервации, и вскоре до него дошли слухи, что некто незаконно отгородил часть земли, и чужаки никого не подпускают к себе близко, притесняя племя. Отправившись на разведку, отец не удивился, вновь повстречав Густава. Тот нарушил слово и привёл несколько крепких ребят, которые день за днем отмывали всё больше самородков. На все вопросы и возмущения отца Густав отвечал: «Надо быть полным идиотом, чтобы оставить это сокровище дикарям!» Он сказал, что рано или поздно на этом месте проведут железную дорогу, и все плевали на неприкосновенность территории. Действовать стоило быстро, иначе он рисковал остаться в дураках. Отец начал возражать, так как до Густава с его компанией никто не нарушал границ. К сожалению, аргументов не хватило – он и сам понимал, что даже спасенный клочок земли рано или поздно будет поглощен. Придут новые люди и начнут строить здесь свои города. Мир менялся слишком быстро, и он ничего не мог с этим поделать. Ему пришлось уйти ни с чем.

– Он сдался?

– Нет, конечно! Всё только начиналось. Вождь и старейшины племени хотели убить всех нарушителей, однако Александр отговорил их от поспешных решений. Он выторговал немного времени для исследований, считая, что мог упустить нечто важное, что наверняка спасет резервацию в будущем. К тому же он не хотел ещё большей крови, желая раз и навсегда избавиться от вторжения законным путем. То был хрупкий мир, построенный в мечтах, и отец сражался за его существование.

– Благородный человек.

– Да, но ты-то ведь понимаешь, что племя имело полное право избавиться от Густава, как им вздумается. Отец строил воздушные замки, и до последнего ему удавалось воплощать их в жизнь. Но жестокость врагов в итоге уничтожила нашу семью. – Сид повысил голос, на щеках выступил румянец. – Хотя что толку винить его – я и сам такой же. – Он сбавил обороты

и немного помолчал. – Не уверен, какими знаниями воспользовался отец, но месяц спустя он всё-таки что-то нашел. Поспешно собрав вещи, они с мамой отправились в столицу, закинув меня к деду.

– Так ему вновь улыбнулась удача?

– Увы, но они так и не вернулись из этой поездки. – Подумав, Сид с грустью добавил: – И, если честно, я до сих пор не уверен, что с ними произошло. Но одно я знаю точно: в живых их нет.

Наступила пауза, ознаменовавшая окончание повествования. Луи вопросительно уставился на Сиду:

– Это не может быть конец истории! Получается, ты просто остался жить в племени? А как же Густав? И что нашел твой отец? Сид, история сквозит недосказанностью!

Сид поскреб щетину и неторопливо повернул голову в сторону Луи:

– Есть немного.

– Предлагаю покончить с воспоминаниями после того, как ответишь на мои вопросы.

– Меня даже в тюрьме на допросах так не мучили.

– Поэтому ты и сбежал, что заскучал по дружеской болтовне и светским беседам.

– Ну, если только отчасти. Ладно, попробую покороче. Густав получил всё, что хотел.

Обманом он выторговал клочок земли, отгородив себя от племени высоким забором. Хитрый ублюдок, получил полный доступ к богатству, убрав посредника. Обо мне, к моей удаче, он просто забыл, поэтому я относительно спокойно прожил лет пятнадцать с дедом в племени, а потом уехал в большой мир. От отца мне досталось совсем немного. Револьвер ручной работы, часы да пара семейных фотографий, среди которых были и кадры с Уайтом. Все те пять лет, что мы с тобой болтались по свету, я планировал разобраться, что же произошло с родителями, да как-то не дошло до дела, пока мне на глаза не попала газета с портретом Густава во всю страницу. Оказывается, он успел стать большим человеком и наворотить дел. С такой зацепкой найти его не составило труда. И я разыскал его сразу после того, как покинул ваше семейство. Моё появление шокировало его, но меня приняли, как близкого друга. Он и подумать не мог, что из индейского мальчика-полукровки вырастет такой славный ковбой. Из его рассказа, отец, возможно, совершил некое новое открытие. Что именно удалось найти, он не знал, но догадывался, что с такими доказательствами территория могла сохранить статус заповедной зоны на долгие годы. Увы, информация так и не была доставлена по назначению. С его слов, повозка с родителями слетела вниз в глубокое ущелье. Судьба сыграла злую шутку, и взбесившиеся лошади стали причиной катастрофы. Я ему, конечно, не поверил, но не показал виду. По старой и тёплой дружбе с Александром он предложил погостить у него некоторое время, и я согласился. Уайт отлично устроился. Золото помогло достичь ему всего, чего только можно пожелать. Серьёзно, пока жил у него, не раз блуждал по особняку. Однажды, когда я в очередной раз пытался найти ванную среди бесконечных коридоров, случайно вскрылась его ложь. В одной из комнат мне на глаза попала небольшая шкатулка с расписными узорами по бокам и отделанной камнями и жемчугом крышкой. Я сразу узнал её и хорошо помню, как мать часто брала её с собой в поездки. Ещё подростком я разыскал место, где прошли первые годы моей жизни. Но вместо дома остались лишь руины. Кто-то сжег поместье дотла, перед этим обчистив его. Поэтому мамина шкатулка не могла просто так оказаться в доме у Уайта. Это был знак для меня, что он нагло врёт. Ну, я и психанул. Забрал шкатулку и поджег особняк. Пока все носились с ведрами и тушили пожар, я скрылся в ночи. Через полгода меня поймали, а дальше ты знаешь.

Луи задумался.

– Ты сжег дом Густава, потому что нашел шкатулку?

– Поверь, он точно причастен к смерти родителей. Я уверен.

– Будь по-твоему. Сид, а история и вправду длинная. И она вновь обрывается. Ты так и не узнал, что нашел Александр?

– Отложим до следующего раза. В данный момент это не столь важно.

– Лады. В принципе, и так есть над чем подумать. Кстати, мы вчера катались на диких кабанах?

Сид ухмыльнулся и похлопал друга по плечу.

– Вот видишь, уже начинаешь кое-что вспоминать.

– Не уверен, что хочу вспомнить всё. Сид, а ты так и не сказал, твоя сестра, она хорошенькая?

– Увидишь. – Сид встал и начал спуск к селению.

– Сид! Ну скажи! – Луи последовал следом.

На просьбы и последующие угрозы в его адрес Сид добродушно промолчал.

К вечеру, когда все дела были завершены, люди начали собираться у тотемных столбов. Костры горели, освещая просторную поляну. На широких скамьях сидели старейшины. Хотя занял место вождя. Жители устраивались по периметру. Несколько юношей и девушек вскарабкались на деревья и с высоты наблюдали за остальными. Сид и Луи почетно расположились между Хотой и шаманом.

– Сегодня снова будут гуляния? – спросил Луи.

– Жители просто собрались обсудить народные вопросы. Это происходит довольно часто. Все, кто хочет, высказываются, иногда выступают с творчеством. А старейшины вносят свое слово в процессе. Заканчивается вечер речью шамана. Он рассказывает о том, насколько духи благосклонны к нам, к чему стоит готовиться в будущем, а иногда впадает в транс и показывает чудеса.

Луи с подозрением покосился в сторону шамана, чье лицо замерло в натужной гримасе, а взгляд был устремлен вдаль. Внезапно он повернулся в сторону Луи и подмигнул, тот вздрогнул от неожиданности и резко перевёл глаза на костёр.

Люди одним за другим начали выходить с речью. Сид переводил некоторые фрагменты Луи. В основном разговоры шли о хорошем урожае, славной добыче и запасах на зиму. Один из жителей поведал забавную историю. Рассказывая её, он так театрально махал руками и эмоционально описывал события, что под конец все присутствующие надрывали животы от смеха. Когда Луи попросил хохочущего Сиды перевести, в чём соль, тот лишь отмахнулся и сказал: «Это непереводаемо. Извини». И продолжил заливаться смехом.

Тем вечером выступавших оказалось не так много. Несколько человек спели песню, аккомпанируя себе щелчками, хлопками и притопыванием. Вокал высоко оценили окружающие, кидая под ноги артистам венки из цветов. Под конец вечера из толпы вышла пожилая женщина. Медленно, со старческим дребезжанием в голосе, произнесла она свою речь, всё время глядя на Сиды и Луи.

– Луи, это моя тетя, и она приготовила для нас подарки в дорогу.

Женщина закончила говорить и протянула два свертка, которые передали в руки друзьям. Внутри оказались тёплые накидки, украшенные искуснейшим узором. Последнее слово взял Хоты. На этот раз Сид переводил синхронно.

– Нам желают удачной дороги. И будут рады видеть вновь. Ты теперь, Луи, друг племени. Удача останется с нами, если мы будем внимательны в том, что делаем. Я тут не знаю, как лучше передать фразу, но идею ты понял. Сейчас шаман попросит духов защиты для нас, а потом... Да, так и есть! Снова устроим праздник!

Луи всё это время лишь кивал головой в знак согласия и благодарности. И вот все голоса умолкли, и на середину поляны вышел шаман. Он начал приплясывать возле костра, издавая гортанные звуки. По знаку его пальцев кто-то стал отбивать ритм на барабане. Ускоряясь, шаман принялся выбрасывать ноги и руки в стороны, таинственно мотая головой и напе-

вая необычный мотив. К барабану подключились ещё несколько ударных. Иные подхватили мелодию и напевали, сливаясь голосами в унисон. Шаман уже вовсю неистовствовал и высоко запрокидывал руки к звёздному небу, издавая громopodobные звуки. И вот ритуал достиг апогея. Небо заискрилось бесконечным количеством падающих звёзд. Водопад комет застилал ночной океан, и все восхищенно наблюдали за торжественным парадом небес.

– Сид! Как он это сделал?!

– Это Духи. Они ответили нам!

И вновь ночную тишину лесов и скал нарушила музыка праздника, и радостные голоса не утихали до рассвета.

Когда Луи проснулся, Сида поблизости не оказалось. День выдался особенно солнечный. Яркий свет слепил глаза. Сонный Луи, укутанный в подаренную ему накидку, нашел Сида у соседского дома.

– Когда выдвигаемся? – зевая, спросил Луи.

– Надо попрощаться, и можно ехать.

– Ну, ты там тогда иди, обнимайся со всеми, а я подожду тебя в доме. Твой дед выйдет проводить нас?

– Да. Но шаман тоже хотел попрощаться с тобой лично. Зайди к нему. Он живёт в пещере в конце поселения.

– Думаешь, стоит? – упоминания о шамане вызывали в Луи довольно странные воспоминания.

– Думаю, стоит. – Сид таинственно улыбнулся уголком рта.

– Так я же не пойму, что он мне говорить будет. Пошли со мной!

– А я разве не упоминал, что шаман немного знает наш язык? Всё будет в порядке, не переживай!

Луи с подозрением зыркнул на Сида.

– Ладно. Схожу, попрощаюсь по-быстрому.

– Я тоже постараюсь не задерживаться.

Еле сдерживая смех, Сид поспешил по своим делам. Хмурый как туча Луи поплелся искать логово шамана.

В пещере царил пепельный сумрак. По центру стоял каменный алтарь, украшенный цветами, перьями и амулетами. Луи осторожно пересек помещение. Никого не найдя, он негромко позвал шамана. Ответа не последовало. Обойдя алтарь со всех сторон, он позвал шамана ещё раз, но уже громче.

– Поднимайтесь вверх! – послышался незнакомый голос.

– Куда вверх? – Луи не мог понять, откуда он доносится.

– Там ступеньки в углу.

Последовав инструкциям, Луи нашел вырубленный в стене лаз, искусно спрятанный в тени. Приготовившись к худшему, он поднялся на второй этаж и не поверил увиденному.

Вдоль стен аккуратно расположились книжные шкафы, хранившие множество объемных фолиантов. В углу на жаровне кипела какая-то жидкость, распространяя приятный аромат. На полках громоздились всевозможные сосуды и банки с подписанными ярлычками. Из второй комнаты ему навстречу вышел шаман, но Луи не сразу узнал его. Одет он был в простой домашний халат, его чёрные густые волосы были расчесаны и аккуратно спадали ниже плеч. На шее висели очки. Протянув руку, он сказал:

– Приятно познакомиться лично, Луи! Нас так и не представили, Уохэнэссэтта Теодор Блэк. Можете звать меня просто Тэд.

– Привет, Тэд.

Они пожали руки. Луи словно проглотил язык и не мог выдать из себя ни слова больше, продолжая удивленно таращиться на шамана.

– Может быть, чаю? – учтиво предложил хозяин дома.

Луи ответил не сразу, и Тэду пришлось повторить свой вопрос.

– Да! – выйдя из оцепенения, Луи оживленно закивал головой.

– Проходите в гостиную, я сейчас всё принесу. – Указав Луи на смежную комнату, Теодор занялся приготовлением.

В просторной комнате с грубыми каменными стенами оказалось на удивление светло и уютно. Дневной свет проникал сквозь вырубленные в стене окошки, а лампы и подсвечники освещали тёмные углы. Украшали обстановку два кожаных кресла, диван, письменный стол и глобус. Над столом висела карта звёздного неба, рядом с ней пристроились анатомические зарисовки человека. Комоды были заставлены книгами и склянками с сушеными травами. Пока Луи с интересом разглядывал рисунки и карты, Тэд принес поднос с чаем и пригласил присаживаться. Разлив ароматный напиток по фарфоровым чашкам, они уселись напротив друг друга. Луи не стал вежливо дожидаться, пока с ним заговорят, перехватив инициативу в свои руки.

– У меня тут пара вопросов возникло.

– Прошу, я весь внимание.

Луи подумал с минуту, как лучше сформулировать мысль, но не найдя слов, задал вопрос в лоб:

– Тэд, ты, вообще, откуда такой?

Лицо Теодора окрасила улыбка. Отложив чай, он подошел к комоду и, вытащив стопку фотографий, протянул их Луи.

– Я хочу сразу извиниться, Луи. Наши первые встречи произошли при определенных обстоятельствах, и я не хотел выходить из образа.

– Образа? – Луи начал рассматривать фотографии, на которых был запечатлен индейский мальчик в окружении знатных джентльменов во фраках. Были и другие, где индейский юноша, одетый как денди, читал книги, присутствовал на торжественных балах и театральных выступлениях. На последней фотографии улыбающийся Теодор стоял на фоне Биг-Бена.

– На всех этих фотографиях ты?

– Именно. По воле судьбы я с детства сирота, но мне повезло не сгинуть в этом мире, получив заботу и воспитание в условиях, непривычных нашему народу.

– У вас тут всё странно и выходит за рамки привычного.

– Но это и есть жизнь, Луи! Всё её великолепие бурных красок и оттенков.

– Может быть. Как так получилось?

– Ещё ребенком меня продали в рабство. И, наверное, я бы сгинул, не достигнув зрелого возраста, если бы не добрые люди. Меня выкупила одна английская семья и воспитала как джентльмена.

– Почему же ты вернулся? Тоска по дому?

– Отчасти – да. Но, с другой стороны, я осознал, что с полученными знаниями я могу быть полезен обществу, в котором родился. Наш мир приходит в упадок, племена не признают правил, которые ему хотят навязать. Без плавного перехода и внедрения новых идей от наших людей не останется и следа.

– Значит, все эти пляски с бубном и звездопад – лишь трюк?

– Да.

– Но зачем, почему просто не объяснить всем, как оно есть на самом деле?

– А ты видел, как радуются дети в момент чуда?

Луи промолчал.

– Я не хочу лишать их этого. Понимаешь, я использую знания, чтобы исцелять народ от болезней, предсказывать погоду и поддерживать дух племени. Со всех сторон наши права ущемляются. Другие племена уже превратились в воюющие лагеря, но они проигрывают. Я знаю.

И каким бы шарлатаном я ни показался тебе сейчас, одно могу сказать точно. Я и правда слышу Духов. И те традиции, что остались у нас, мы обязаны сохранить. Ведь мир далеко не такой, каким мы его привыкли видеть, и однажды ты тоже поймешь о чём я.

– Или сойду с ума.

– Не худший вариант! – Теодор рассмеялся, прикрыв ладонью рот. – Луи, я пригласил тебя не для того, чтобы запутать ещё больше. Я хотел предложить вам с Сидом помощь.

– Спасибо, конечно, но как ты можешь нам помочь?

– До того как я вернулся к своим, мне выдалась возможность попутешествовать и познакомиться с разными людьми. У меня остались друзья во внешнем мире. Сид вкратце пересказал, что вы задумали. С чем-то вы без особого труда справитесь вдвоем, но настанет момент, когда вам понадобится больше людей. Вот адрес, – Тэд протянул Луи листок, – напиши туда, когда посчитаешь нужным, и подмога придет.

Луи с недоверием посмотрел на протянутый лист бумаги.

– Главное, не потеряй.

– Хорошо. Спасибо, Тэд.

Шаман улыбнулся.

– Ах да, чуть не забыл кое-что еще, – взяв со стола коробочку, Теодор отдал её Луи. – Это подарок.

Открыв, Луи обнаружил внутри миниатюрную подзорную трубу.

– Тонкая работа...

– Я искренне верю в вас, ребята. Вы справитесь!

Рассматривая презент, Луи вновь обратился к Тэду:

– А много кто в поселении знает о твоей истинной личности?

– Немногие. Я стараюсь открыть глаза местным, но процесс этот довольно тонкий. По крайней мере, детей получается привлечь к знаниям, старики же только отмахиваются. Зато я считаю личным достижением, что вождь наконец-то отбросил предрассудки и учит язык. Он служит примером остальным. Сид, кстати, тоже был моим учеником, пока жил с нами.

Они допили чай. Поблагодарив за всё, Луи решил, что ему пора.

– Необычное знакомство, Тэд. И крайне интересное.

– До встречи, мой новый друг. Удачной дороги.

Пожав шаману руку на прощанье, Луи пошёл собираться в путь.

Сид остановился перед шатром и окликнул, желая убедиться, что внутри кто-то есть. Услышав ответ, он вошел. В комнате сидела женщина, увидев Сиду, она встала поприветствовать его.

– Здравствуй, тетя. Я пришёл проститься.

– Уже уезжаете? Так быстро.

– Пора. Дела ждут.

Они обнялись, женщина посмотрела Сиду в глаза и погладила его по голове.

– Мне снился Нииол сегодня. Он волнуется за тебя.

Сид ответил не сразу. В глазах появилась печаль, и он отвёл взгляд в сторону.

– Брат тоже иногда мне снится. Во сне мы разговариваем, словно он всё так же рядом и никуда не исчезал.

– Он рядом. Ты знаешь.

Сид кротко улыбнулся. С нежностью взяв тетину руку, он поцеловал её.

– Да, ты права.

Женщина улыбнулась в ответ.

– Возвращайтесь поскорее. Мы очень скучаем по вас, дети.

– Мы тоже.

Обнявшись с тетей на прощание, Сид удалился.

У главных ворот собрался народ. Луи уже был верхом на коне и ждал, пока Сид обменяется рукопожатиями со старыми друзьями. Последним подошел Хота.

– На два слова, Сид.

Они отошли в сторону.

– Сид, послушай. Скоро наше племя уйдёт из этих мест. К концу нынешнего года поселение опустеет, мы отправимся на Север, на земли наших предков. Шаман говорит, что так далеко новые люди не станут забираться, и мы сможем пожить спокойно.

Хота опустил руку на плечо Сиды.

– Возвращайтесь. Ты, Уна и Луи. Мы дождемся вас и отправимся все вместе. Хорошо?

Сид молчал.

– Сид?

– Хорошо, дед. Мы вернемся.

– Почему в твоём голосе неуверенность?

– Я волнуюсь за Уну.

Хота с недоверием посмотрел Сиду в глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.